

ЛЕНА СОКОЛ

М
ЖЕНЩИНА

Дерзко. Смело. Горячо

Лена Сокол
Их женщина

«Автор»

2018

Сокол Л.

Их женщина / Л. Сокол — «Автор», 2018 — (Дерзко. Смело.
Горячо)

Двое сильных мужчин. И оба принадлежат ей одной. Они не могут делить ее и не в силах воевать друг с другом. Эта дружба на троих сильнее страсти. Она сильнее личных интересов и обстоятельств. Сильнее кровных уз и старых обид. Это странная любовь – на сердце шрамами.

© Сокол Л., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Элли	6
Майкл	8
Джеймс	10
Майкл	13
Элли	17
Майкл	21
Джеймс	25
Майкл	29
Элли	33
Джеймс	37
Элли	40
Джеймс	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Лена Сокол Их женщина

© Лена Сокол

* * *

Элли

– Это ты, цыпа?

У меня все внутренности сжимаются в болезненный комок при звуке этого голоса, мерзкого, с нотками самоуверенной наглости. По позвоночнику ледяными щупальцами крадется страх, впивается в ребра острыми когтями тревоги.

«Пусть только это будет не он, только не эта грязная скотина, Бобби Андерсон».

Но я уже знаю. Этот хрипящий басок и разящий за несколько метров густой одеколонный дух ни с чем не спутать.

– Ты-ы... – Гнусавит он довольно, врубая дальний свет на своем джипе, которым перегородил всю дорогу.

Меня слепит.

Я замираю на мгновение, решая, броситься ли в кусты или развернуться и попробовать побежать обратно. Начинаю метаться на месте, не смея удрать. Мне страшно до дрожи в коленках. Все, что было до этого самого момента, казалось игрой – мы дразнили его, но всегда могли убежать. К тому же, я знала, что мои парни влюбом случае за меня вступятся. Шею ему перегрызут, но не позволят грязным лапам прикоснуться даже к кончикам моих туфель.

Теперь же я одна.

Посреди ночной дороги, окутанной туманом и кислым запахом болотной тины. На километр ни единой живой души, кроме меня и этого отморозка, с усмешкой цокающего языком. Стараюсь держаться прямо, а у самой поджилки трясутся. Слезы едва ли не бегут сами собой.

– Тебя подвезти? – Спрашивает голос.

Мне не виден даже его силуэт, а это еще страшнее. В луче света он может разглядеть каждую родинку на моем теле. Пожелает – подкрадется незаметно, слева или справа, захочет – появится из темноты с любого направления. А я, как бабочка под микроскопом, вздрагиваю и не понимаю, то ли пора пятиться назад, обнажая свой страх перед ним, то ли дальше продолжать строить из себя бесстрашную, закусывая до крови дрожащие губы.

– Глухая?

Разум вопит, что нужно бежать. Прямо сейчас. И плевать, как и куда. Обдирая кожу, ломая каблуки, утопая по колено в грязи. Лишь бы унести ноги. И лучше сразу прочь с дороги, в заросли, в сторону болота. Он вряд ли рискнет сунуться туда на своем джипе, чтобы раздавить меня. Побегит сам. И догонит. Жалеть не будет, сразу убьет. Голыми руками.

– Подвезти, говорю? – Он появляется из темноты внезапно.

Возвышаясь надо мной и обдавая плотной волной едкого перегара. Вздрагивая, подаюсь назад в тщетной попытке отстраниться, но его цепкая лапа уже перехватывает мое горло и больно сжимает.

– Нет, – хриплю, бултыхая руками в воздухе и вцепляясь с силой ногтями в давящие на горло сильные пальцы.

Его лицо уже передо мной. Ослепленная светом и перепуганная до смерти, не вижу горящих гневом глаз – и так знаю, как они выглядят, опасно сужаясь до маленьких хищных щелок. Всхлипывая и сипя, пытаюсь ухватить ртом хоть немного воздуха, но голова неумолимо начинает кружиться. Перед глазами расплываются синие круги, руки обмякают.

– Тупая ты шлюха. Это не был вопрос. – Произносит он, брезгливо морщась. Теперь передо мной отчетливо предстают его искривленные губы-лепехи. Наверное, это будет последним, что я увижу перед смертью. – Я никогда не спрашиваю. Просто беру то, что мне нужно.

Мои колени подкашиваются. Валюсь к его ногам, когда он разжимает пальцы. Падаю на асфальт и захожусь в сухом кашле. Хватаюсь за шею, которую разрывает от боли. «Будь ты

проклят, Билли Андерсон, после такого тебе точно не жить. Джимми и Майк отрежут тебе твои поганые яйца».

– Ну, не хочешь сделать мне приятное, цыпа? – Усмехается этот урод. Его массивные ботинки приближаются ко мне, противно хрустя песком. – Тебе понравится мой дружок, ты, наверняка, таких еще не пробовала.

Садится на корточки, приближает свое лицо к моему. Несмотря на бьющий в меня яркий свет, вижу злость и возбуждение в его маленьких свинячьих глазках. Тянет руку. Толстые пальцы смыкаются на моих щеках. Схватив меня за подбородок, как какую-то собачонку, подбородок резко притягивает меня к себе.

– Обслужи себя сам, – цежу сквозь зубы.

И, не успев, как следует, обдумать свой поступок, смачно плюю ему в лицо. Гордость родилась вперед меня, тут ничего не поделаешь.

Бобби замирает, гневно кривя ртом. Медленно разжимает пальцы, отпуская меня. Затем также медленно вытирает мою слюну со своего лица.

Мне хочется отползти. Но ноги не слушаются. Все тело сводит судорогой от нахлынувшего страха. Понимаю, что такое он точно не простит. И Бобби не заставляет себя ждать – бьет резко, наотмашь. Прямо по лицу.

Удар настолько сильный, что я моментально глохну. Женщин так не бьют. Так можно врезать только мужику. Заваливаюсь на бок, не понимая, жива я или мертва. Словно через вату слышу его тяжелые шаги. Одной рукой он переворачивает меня и ставит на колени.

– Иди сюда, цыпа. – Стальной хваткой его левая рука сжимается на волосах на моем затылке. Правая по-хозяйски скользит по бедру, подбираясь к краю платья.

Бессильно рычу. Мычу что-то. Перед глазами все плывет.

– Давай, рассказывай. – Слышится треск разрываемой ткани. – Как они имеют тебя, дешевка? Сразу вдвоем или по очереди?

На моих глазах выступают слезы. Бобби Андерсон, конечно, не может знать, что я еще девственница.

Майкл

Мне было тринадцать, когда я впервые увидел свою Элли.

Тогда она звала себя Эй Джей, но об этом мне суждено было узнать немного позже.

Обычный день. Бодро улыбаюсь маме. На мне тщательно отглаженные брючки, старомодная рубашка с широким рукавом до локтя, из идеально отполированных черных туфель торчат новые белые носки. Вряд ли бы матушка позволила мне выйти из дома в кроссовках, футболке и шортах, даже если бы я не врал ей, что иду в библиотеку, а сказал бы, что собираюсь покататься на велике с ребятами.

– Мам, не нужно галстука, умоляю тебя.

– Майкл! – Ее тон не терпит возражений.

И я сдаюсь. Проще подставить шею и позволить ей повязать эту удавку, чем полчаса спорить, а затем выслушивать лекцию о том, как полагается выглядеть юным молодым людям из порядочных и обеспеченных семей.

– Просто прекрасно. – Ее лицо расплывается в довольной улыбке.

– Мне пора. – Настаиваю.

Фальшивая беспечность моей улыбки настораживает матушку. Она долго не отпускает руки, словно галстук это волшебный поводок, который поможет ей сохранять контроль над повзрослевшим внезапно сыном. Наконец, ее пальцы забираются в мои волосы и поправляют прическу. Косой пробор, челка на лоб – все должно быть идеально, как она любит. Прилизанно и чинно.

– Отец отвезет тебя. Хорошо? – Делает последнюю попытку.

По плотно сжатым губам заметно, как трудно ей сдерживаться.

– Нет, я хочу прогуляться, мам. Я же говорил.

Этот ответ лишает ее самообладания. Матушка так закатывает глаза, что по ее выражению лица можно прочесть все промелькнувшие в эту секунду в голове мысли: ее сын напивается в районе для цветных, его угощают травкой и заставляют грабить магазин. Или угнать тачку. Потому что, стоит попасть в плохую компанию, так и будет. Непременно. Ведь мир очень страшен, особенно за пределами нашего района.

– Будь осторожен, – выдыхает она.

И тянется мне навстречу.

Еле успеваю увернуться от поцелуя в губы. Мамочка проделывает этот фокус каждое утро, привозя меня в школу. Чмокает, стоит только зазеваться. На глазах у всех. А потом, улыбаясь, стирает следы помады с моего лица.

Похоже, мне до самого колледжа теперь не отмыться от репутации зашуганного маменькиного сынка.

– Пока, – произношу, небрежно клюнув ее в щеку.

И со всех ног бросаюсь к двери.

Знаю, что она будет стоять у окна, фиксируя и оценивая каждый мой шаг, пока не скроюсь в конце улицы. Поэтому иду неспешно и мысленно заставляю себя расслабить плечи. Но как истинный ботаник продолжаю исподлобья оглядываться по сторонам – вдруг в голову прилетит здоровенный мяч, за которым непременно последует раскатистый мальчишеский смех.

Дорогу перегораживает здоровенный грузовик с логотипом известного в стране грузо-перевозчика. Останавливаюсь, чтобы взглянуть на эту махину. Из кабины вылезают крепкие парни в фирменных комбинезонах, створки кузова распахиваются. Грузчики так проворно подхватывают мебель, словно та из картона сделана, и я не могу оторваться, наблюдаю за ними во все глаза.

Представляю, что мое рыхлое тельце однажды подтянется и станет вот таким же жилистым. Бледную, почти мраморную, кожу, боящуюся солнца, мелкие веснушки и темно-рыжие волосы никуда не деть, но если бы у меня только было такое тело, возможно, братья Андерсон не отважились бы меня задирать. По крайней мере, открыто.

– Это в гостиную, – командует темноволосый мужчина, вышедший из подъехавшего следом внедорожника и ступивший на подъездную дорожку.

Он приземист, широк в плечах, выглядит свежо, но его возраст выдают обширная лысина и редкая седина на висках. Похоже, этот человек со своей семьей будет жить в доме напротив нас.

– Здравствуйте, – мямлю, поняв, что он заметил меня.

Мужчина расплывается в вежливой улыбке и кивает. Хочет что-то сказать в качестве приветствия, но вдруг переводит взгляд на фигуру, движущуюся от автомобиля к дому, и меняется в лице.

Это девочка, ей примерно столько же, сколько и мне. На ней рваные джинсы, тяжелые черные ботинки, безразмерный свитер с вытянутыми рукавами и воронье гнездо на голове. Она идет, ссутулившись, не разгибая до конца коленей и словно намеренно громко шаркая подошвами по асфальту.

– Элис, – обращается к ней мужчина, виновато поджимая губы, – что ты скажешь насчет того, чтобы поставить мамин туалетный столик в твою комнату?

– Мне насрать. – Коротко бросает она, обходя его по широкой дуге.

И я вздрагиваю. Потому что ее черные глаза устремлены в этот момент на меня. Они пронзают насквозь, сверлят, забираются глубоко в душу. Девчонка смотрит всего долю секунды, уничижающе и брезгливо, но мне хватает этого, чтобы разглядеть пирсинг в ее носу, густо подведенные черным губы и брови, высокий нахмуренный лоб. Меня словно вытряхивают из тела, а затем с размаху швыряют обратно.

Когда она отворачивается и скрывается за дверью дома, я с трудом сглатываю. Отшатываюсь назад и приказываю себе захлопнуть раззявленный от удивления рот.

Перевожу взгляд на окна своего дома и вижу матушку, прилипшую к окну и совершенно ошеломленную увиденным. Первый раз в жизни она забывает обо мне и о любых правилах приличия: пялится через стекло, вытаращив круглые глаза на новых соседей.

Опустишь ее нижняя челюсть еще на пару дюймов ниже, точно пробила бы подоконник.

Джеймс

Жалость, наверное, не самый лучший способ обрести друга. Но было еще кое-что, кроме пресловутого сочувствия к жалкому ботанику, которого каждый ученик этой мерзкой школы считал своим долгом пнуть под зад. Этот рыжий был сообразительным малым, но, похоже, искренне не понимал, отчего местные отбросы так привязались к нему.

Он не злился, не дрожал от страха. В его глазах было такое чистое, такое наивное недоумение, что любому старшекласснику или даже ученику младшего звена непременно хотелось толкнуть или обозвать его еще раз. Даже мне. Не будь я парнем из трейлерного парка, чумазым и тощим сыном наркоманки, обитателем помойки и нищим изгоем.

Вот так и встретились мы – два одиночества. Помню, словно это было вчера.

– Эй, дебил! – Раздается в коридоре.

Фраза вполне может относиться и ко мне, поэтому сначала не реагирую. Всегда успею показать им зубы.

– Чудила, к тебе обращаюсь!

Осторожно поворачиваю голову в бок, и сразу становится все ясно. Это они новенькому.

Пригород активно застраивается, целый район для богатеньких забабахали, а вот школы для маменькиных сынков у нас еще нет. Помнится, родители этого ботаника сперва очень переживали, что их пареньку придется обучаться в одном заведении с такими голожопыми, как я. Мамашка этого рыжего Салливана даже встречала сыночка после занятий: и не на стоянке, а являлась прямо в здание школы. Смех, да и только.

Тогда ученики его старались не трогать, чтобы не нарваться на нее. А теперь, спустя пару месяцев, парень был предоставлен самому себе.

– Чу-у-дик! – Раздается противный басок старшего Андерсона.

И за пинком по рюкзаку следует дружный смех. Парнишка Салливан в который раз поправляет лямки и растерянно оглядывается. Не найдясь, что ответить, быстро отворачивается. Его лицо становится пунцовым от стыда и злости, ведь взгляды всех присутствующих в коридоре устремлены сейчас на него.

– У твоей мамки мохнатка тоже рыжая? – Оскаливается младший Андерсон, тот которого зовут Бобби.

Уж очень жирдяю хочется угодить старшему братцу и его друзьям. И реакция не заставляет себя ждать: Чарли Андерсон и двое его приятелей стигаются пополам от смеха. Они продолжают идти за своей жертвой по пятам, поочередно пиная висящий за его спиной рюкзак.

– Что ты сказал?

Эта брошенная вдруг фраза повергает школьный коридор в тишину, такую вязкую и зыбкую, что у меня от нее мурашки по спине бегут.

Не может быть: маменькин сынок остановился и обернулся, чтобы подать голос. И не просто спросил местных задавал, чего они от него хотят, но и воинственно сжал свои кулачки.

Чарли на секунду теряется. Этот жирный ублюдок не привык, чтобы ему отвечали, не был готов к этому. Старше нас года на два, сын местного шерифа, он буквально возвышается над своей жертвой. Чарльз Андерсон выше Майкла Салливана и своего брата Бобби минимум на голову. Настоящий верзила.

– Я спросил, – наигранно усмехается Чарли, оглядывая лица своих дружков Тома и Брента в поисках поддержки, – у твоей мамки под юбкой... – он смотрит на рыжего и расплывается в наглой улыбке, – такие же озорные рыжие кудряшки, да?

А дальше происходит то, чего никто из присутствующих не ожидает: щуплый ботаник в очках бросается на своего обидчика с кулаками. Бьет, молотит, машет, даже не попадая и не зная, как правильно ударить, чтобы не повредить себе запястье.

Только вот что он сделает против крепкого и высокого Чарли? Тому его удары, что слону дробина. Андерсон ловко хватает рыжего парнишку за шиворот и, точно нашкодившего щенка, отбрасывает назад. Не проходит и секунды, как они вчетвером подлетают к поверженному и начинают пинать ногами.

Я оглядываюсь по сторонам. Это видят все, но никто не хочет вмешиваться. Здесь все друг другу чужие, все заняты своими делами. Старательно делают вид, будто не замечают драки и не слышат громких всхлипов. И я топчусь на месте, не зная, как поступить. Не то, чтобы мной овладел страх, нет. Мне не привыкать получать тумачи. Просто, если вступить, эти гады и от меня не отстанут.

Но времени думать нет. Бедняга лежит на полу в своей идиотской рубашке в мелкий цветочек и старомодных брюках со стрелочками. И отчаянно прикрывает лицо локтями. Каждый пинок по его животу отзывается глухим вскриком и смачным бульканьем.

Черт...

Дернув рычаг пожарной тревоги на стене, срываюсь с места. Под оглушительное завывание сигнализации врываюсь в самую гущу драки. Мне нечего противопоставить Чарли и его друзьям, ни твердого кулака, ни техники, поэтому я просто расталкиваю их плечами, пользуясь моментом внезапности, и висну на спине его братца.

– Ах, ты, крысеныш! – Вопит Андерсон старший.

Бобби кричит, пытаясь сбросить меня с себя.

– Этот вонючий помоечный таракан решил вступить за свою подружку, – смеется Том, поднимаясь на ноги и хищно улыбаясь.

– Иди сюда, малыш, – подзывает меня Brent.

– Я сам. – Тихо произносит Чарли, утирая слюну, выступившую на губе.

Я держусь крепко. Давлю захватом на жирное горло Бобби. Мои глаза устремлены на рыжего – идиот даже не пытается встать, чтобы убежать. Он растерян. Облизывает кровь с губы, прислонясь к стене, и часто хлопает ресницами. Точно придурок!

– Что здесь происходит? – Вдруг гремит за спиной.

Директор школы появляется очень вовремя и разгоняет зевак. Чарли и его друзьям удается все свалить на нас.

В кабинете после уроков для подробного разбирательства остаемся лишь мы – трое: я, Майкл и Бобби. Остальным очень повезло, не приходится слушать нотаций. Рыжий чуть не ревет, просит, чтобы матушке ничего не докладывали. Вот же черт... Беру всю вину на себя. Мне-то ведь все равно. А моей матери и подавно. Так что, какая разница?

Когда нас отпускают, Бобби шипит что-то про месть, но я показываю ему средний палец и ухожу. Чертов ботаник догоняет меня по пути со школы, чтобы поблагодарить. Посылаю его к черту. Трижды. Но он реально тупой, потому что не отстает. Тащится за мной чуть ли не всю дорогу до той дыры, что считается моим домом. Говорит и говорит, будто его прорвало.

Я останавливаюсь и поворачиваюсь к нему. Смотрю прямо в лицо. Оно сияет. И это несмотря на распухшую губу и рассеченную бровь. Он ужасно рад. Чему? Хрен его знает. Блаженный какой-то.

– Хочешь, помогу тебе с математикой? – Предлагает. – Слышал, что ты никак не можешь сдать самостоятельную работу.

И моргает. Часто так, что меня это начинает гипнотизировать.

– Ты? Мне? Хм. Поможешь? – Бормочу.

До меня никому обычно дела нет, а тут предлагают помощь. Непривычно как-то и... стремно. Делаю каменное лицо, но этот хренов умник продолжает сиять, будто прихожанин церкви на воскресной службе.

– Да. Где ты живешь?

А вот это лучше ему не знать. У меня все внутри переворачивается при мысли о том, что его начищенные ботиночки ступят в ад трейлерного парка, густо приправленного запахом фасоли, несвежих носков и дымом сигарет.

– Тут. Неподалеку. – Вдыхаю и машинально прикусываю щеку изнутри.

Рыжий так забавно оглядывается по сторонам, словно пытается отыскать среди сломанных бараков и оврагов с помоями что-то пригодное для жилья.

– Тогда давай встретимся завтра после занятий? – Улыбается он. – И ты покажешь.

– Кхм. – Хмурюсь я. – Ну, давай...

Мне жутко не по себе.

– Я Майкл, кстати. – Он протягивает бледную руку.

– Джимми. – Жму ее, мечтая свалить поскорее.

И он улыбается так широко, что меня это опять пугает. Ровно, как и его прикид, и доброжелательность, и наивная гребаная открытость.

Если мы с этим типом станем общаться, нас запишут в педики. Не, точно вам говорю, запишут. А в наших краях этим особо не погордишься. Таковы нравы.

– Буду ждать завтра. – Говорит Салливан.

И я едва не отшатываюсь назад. Киваю. Типа «Ага, ага», пачусь, чтобы быстрее скрыться среди кустов. Но рыжий смотрит так внимательно, словно этим безумным взглядом собирается провожать меня до самых ржавых дверей моего дома.

– Счастливо. – Прячу руки в карманы и ухожу, пиная мусор.

Обернувшись, замечаю, как он приглаживает волосы и отряхивает пыль с брюк. Видать, боится, что от мамки попадет.

Кстати, она у него не рыжая. Это он в папку-ирландца такой «красавчик». Но это я узнаю потом.

А в тот день я мог лишь надеяться, что этот доходяга сам как-нибудь отвянет от меня. Не знал, что мне будет суждено пройти с ним слишком долгий и сложный путь, чтобы он мог называться просто «жизнью».

Вот так, случайно и неожиданно, и было положено начало нашей странной и крепкой дружбе с Майки Салливаном.

Майкл

Я больше не крадусь по улице, ожидая, что матушка выпрыгнет из ближайших кустов и разоблачит мой обман. Ноги ступают уверенно, глаза слезятся от яркого солнца, а мысли постоянно возвращаются к той девчонке.

– Мне насрать! – Снова и снова говорит она.

И ее голос тонко звенит в моей голове.

– Мне насрать, – повторяю, точно в бреду.

И губы сами расплываются в улыбке от уха до уха.

– Насрать... – И радость собирается теплым комком под ребрами. Щекочет, разливается жаром по животу. – Мне насрать...

Неужели, я тоже бы мог вот так запросто ответить мамуле? Но стоит только представить эту картину, как сначала перехватывает дыхание, а потом хочется смеяться долго и громко. Никогда. Нет. Наверное, снег в июле более вероятен, что то, что этот номер сойдет мне с рук.

Сворачиваю к небольшому лесочку, но не вижу ни дороги, ни солнечных лучей, взрезающих густые верхушки деревьев. Только ее глаза. Раскосые, черные, с длинными пушистыми ресницами. Карточный домик моего смущения стремительно рушится: кажется, будь она сейчас передо мной, ничего не стоило бы подойти и поздороваться. Спросить, как ее зовут. Что-нибудь про погоду. Или как дела.

И от одной только мысли вся краска снова бросается мне в лицо. Не-е-ет. Наверное, меня парализует, если я с ней заговорю.

А Джимми вот не такой. Он смелый. А у смелых не бывает проблем с девчонками. Возможно, он уже даже целовался с кем-то. Или даже больше...

Запинаюсь, падаю лицом вниз и приземляюсь на вытянутые руки. Ладони вздымают клубы сухой пыли, которая неумолимо оседает на одежде. Встаю, отряхиваюсь и с неудовольствием замечаю, что черный крем на ботинках обильно впитал в себя мелкий песок с лесной тропинки. Этого только не хватало.

– Мне насрать. – Снова звучит в голове.

И я недоумеваю, как так можно жить, когда тебе на все фиолетово. Так не бывает. Но если бывает, то я очень хочу научиться этому.

– Наконец-то! – Из-за поворота показывается Джимми.

На нем черная майка, мятые шорты и грязно-серая кепка козырьком назад. В глаза бросаются рваные кеды – на одном дыра такая огромная, что, глядишь, скоро вылезет большой палец, а на другом нет шнурков, и язычок выдран с корнем. Но, кажется, парню вполне комфортно в таком прикиде. Да и выглядит он реально круто. Не то, что я.

Мы дружим уже больше месяца, но Джимми и словом не обмолвился о том, есть ли у него подруга. Вот, о чем я думаю, пожимая его руку. И пусть я ни с кем толком не общаюсь, но разговоры-то слышу. Парни на занятиях по физической культуре всей толпой обсуждали, кто из них уже видел и трогал настоящие сиськи. Не то, чтобы мне тоже хотелось похвастаться чем-то таким, но живых сисек я, правда, никогда не видел и начинал бояться, что это мне не светит еще лет десять.

– Держи. – Друг подает мне сверток.

Я скидываю туфли, встаю на траву, аккуратно снимаю брюки и складываю их, как учила мама. Стрелочка к стрелочке и напополам. Готово. Беру из свертка шорты и спешно натягиваю на свои рыхлые бедра. Они мне велики, и смотрятся, как парашюты, но шнурок в поясе делает свое дело – туго привязывает их к моей талии.

Джимми качает головой, когда я осторожно снимаю галстук. Расстегиваю пуговички сначала на манжетах рубашки, а затем на груди. Складываю сорочку так, чтобы сильно не помялась, и прячу в пакет следом за брюками.

– Обязательно делать это каждый раз? – Хмыкает друг.

Я натягиваю его растянутую старую футболку на свою идеально белую майку и пожимаю плечами:

– Даже не представляю, что будет, если я скажу маме, что пошел кататься на велике. Да еще и с... тобой.

– Тебе скоро четырнадцать, мужик! – Джимми снимает кепку и чешет макушку. Волосы у него свалывшиеся и криво остриженные, точно у беспризорника. – Не понимаю, почему тебе нельзя погонять?

– Ну, почему же? – Сглатываю я. Напяливаю кеды, прячу одежду под куст и достаю оттуда большой ржавый велик, добытый для меня на свалке новым другом. Ставлю его на дорогу и с трудом, но отваживаюсь посмотреть Джеймсу в лицо. – Можно погонять. Только если на заднем дворе.

– Твоей матушке место в психлечебнице! – Морщится он.

– Просто для нее очень важны ее правила.

– Это звучит, как бред.

– Никогда не задумывался. – Пожимаю плечами и седлаю своего железного коня.

Тот противно скрипит, переднее колесо кривится налево.

– Просто, если с детства живешь на помойке, – взгляд Джимми темнеет, – привыкаешь к помойке. Если в психушке, то сам становишься буйным. Но говорят, что и из этого дерьма можно выбраться, стоит только захотеть. Я вот хочу.

Гляжу, как он садится на свой велик и ловко стартует, давя на педали и высекая хрустящие песчинки из-под заднего колеса.

– Значит, и я хочу! – Кричу ему вслед.

Нажимаю на педали и пытаюсь выровнять ход кривой железяки. Ускоряюсь, пока мы с ним не равняемся.

– Начни со своего слюнявчика! – Ржет Джимми, еще быстрее крутя педали. – Если хочешь что-то поменять, скажи мамке, что больше не будешь одеваться в эти стремные шмотки.

– И скажу! – Вместе с ветром, врывающимся в мои волосы, у меня прибавляется уверенности.

– Ну-ну, – хмыкает друг, сворачивая вниз, к реке.

У меня не получается так быстро крутить педали, чертова железяка трещит, кренится влево и грозит развалиться на каждой кочке.

– Скажу! – Ору я, поймав азарт. Чем дальше удаляется его спина, тем сильнее мне хочется догнать этого худого, как живчик, пацана и доказать, что тоже способен стать таким крутым и бесстрашным, как он. – Потому что мне нас-рать! На-а-срать!

Слышу, как его раскатистый смех отдается эхом вдоль берега. Потею, но продолжаю крутить педали. Чем быстрее разгоняется адова машина, тем свободнее и счастливее я себя ощущаю. На меня больше не давят идиотский галстук, строгий взгляд материи ее такие же идиотские правила. Мне хорошо и легко.

Ветер отчаянно хлещет по щекам, но я принимаю эти удары, как ласковое прикосновение к новой, неизведанной жизни. Открываю рот и ловлю языком прохладу. Так свободно мне не дышалось с самого рождения. Хочется кричать, смеяться и плакать. Ощущение такое, будто меня сейчас разнесет в клочья от сумасшедшего и пьянящего запаха раздолья.

Но радость обрывается жестким толчком в бок, от которого я сначала падаю в песок, больно ударяясь и царапаясь о велик, а затем кубарем качусь вниз со склона. Собираю по

пути все кочки и камни, обдираю локти и колени до мяса. Паника оглушает, дыхание сбивается, конечности немеют, когда мое тело вдруг прекращает падение, наткнувшись на колючий кустарник.

Еще не успеваю открыть глаза, но уже слышу противное хихиканье. Эти голоса мне хорошо знакомы. Мерзкие гиены, Чарли, его братец и сотоварищи, – вот кто так противно ржет, радуясь удавшемуся трюку. Слышен топот их ног, они спускаются ко мне, поэтому спешу сесть и распахнуть веки.

Перед глазами расплзаются трещины – очки разбились. Каждое движение отдается дикой болью, во рту привкус земли. Песок противно хрустит на зубах. Поднимаю взгляд и вижу их силуэты. Они движутся ко мне. Пытаюсь отыскать Джимми. Он там, дальше по дороге. Вверху. Кажется, притормаживает, заметив, что больше не еду за ним.

– Ну, что, сосунок? – Старший из братьев подходит ближе и резким движением ноги окатывает меня волной песка и темной пыли. – Думал, мы про тебя забыли?

Его слова вызывают у товарищей смех. Я часто моргаю, не решаясь поднять головы и снять очки. Пялюсь на их колени, ожидая пинка в лицо. Пыль щекочет ноздри, а страх заставляет забыть о боли. Невольно вздрагиваю, стоит Чарли приблизиться. Подонок специально кружит вокруг меня, нагоняя побольше жути.

– Мы ничего не забываем, рыжик! – В эту секунду драный кроссовок старшего Андерсона с силой толкает меня в грудь.

Я падаю на спину и гляжу во все глаза на нависшего надо мной обидчика. Даже сквозь слепящие солнечные лучи, трещины и пыль, осевшую на стеклах очков, вижу, как он улыбается, перекатывая во рту жвачку. Его нога с силой давит на мою грудную клетку, перекрывая доступ кислорода. Он смотрит, как я судорожно хватаю ртом воздух, и это его ужасно забавит.

– Не хочешь извиниться передо мной, придурок? – Спрашивает меня Чарли.

А я взываю, потому что один из его дружков безжалостно наступает на мои пальцы. А другой давит носком ботинка на запястье второй руки. Я распят. Начинаю дергаться, но ни перекатиться, ни встать не выходит. Бесполезно. Где-то рядом с моим ухом приземляется смачный харчок. Мерзко воняет сигаретами и тухлым содержимым чьего-то желудка.

– Может, мы его того... – Спрашивает Бобби и что-то шепчет братцу на ухо.

Наверняка, что-то пошлое. Хотят унижить меня еще сильнее.

– Неплохая идея, – отзывается тот.

И все дружно начинают ржать еще громче.

Пока громкий хруст не обрывает их смех. Я не успеваю толком ничего понять, когда хватка ослабевает. На берег опускается странная, звенящая тишина. Сажусь и вижу перед собой Джимми со здоровенной дубиной в руке. Видимо, подобрал где-то сухой ствол небольшого деревца и со всей силы обрушил на спину Чарли. Тот валяется у меня в ногах оглушенный, а его приятели растерянно оглядываются друг на друга.

– Кто следующий?! – Кричит Джимми, взмахивая палкой, которая переломилась пополам от столкновения с хребтиной Андерсона старшего. – Ну?

Он резко топает, шагая в сторону Бобби, и у того разом подкашиваются ноги. Выпучив глаза и запинаясь, жирдяй начинает пятиться назад. Дружки Чарли на пару лет постарше нас, поэтому продолжают взвешивать все за и против. Но новый взмах дубиной рассеивает их сомнения, и они отступают.

– Идем, – подает мне руку мой друг.

И я встаю, тяжело дыша. Джимми спасает меня уже во второй раз. Мы пятимся назад, пока они проверяют, жив ли Чарли. Тот мычит, пытаюсь встать на ноги. Жив.

– Бежим! – Командует Джимми, отбрасывая тяжеленную палку в кусты.

И мы карабкаемся сначала вверх, а затем удираем по тропинке. Я забываю про боль в конечностях. Больше ничего не боюсь. Этот худой парнишка протянул мне руку помощи и

показал, как можно постоять за себя. Дал надежду на то, что мир не прогнал окончательно. И я даю себе клятву, что не забуду этого никогда.

– Через реку! – Подталкивает меня к берегу Джим.

– Нет, – упираюсь пятками, – я не умею плавать.

– Верь мне. – Тянет за руку. – Все будет хорошо.

Я дрожу от страха, когда мы переходим реку вброд. Он показывает, куда ступать, чтобы не провалиться на глубину. И я доверяю. Даже когда вода доходит мне до шеи. Расстояние кажется бесконечным, но, когда путь пройден, чувствую себя мокрым супергероем.

Мы на другом берегу, на уютном островке. В безопасности.

– Здесь нас никто не достанет. – Довольно говорит друг. – Только я знаю, как и где перейти на эту сторону.

– А если они переплывут?

– Такое расстояние? – Он скидывает футболку, бросает на песок и идет окунуться. – Чарли не умеет плавать!

– Спасибо, что спас меня. Опять. – Бормочу я.

– Главное, вырубить главаря. – Звенит голос Джимми из реки. – Остальные сами побегут. Это почти всегда работает.

Я наклоняюсь к воде, зачерпываю в ладони и еще раз омываю свои раны. Снимаю очки и долго их рассматриваю, а затем с легким сердцем зарываю в песок. Разодранные локти и колени ужасно саднит, но мне хорошо, радостно как-то.

– Поиграем? – Вышедший из воды Джимми ложится рядом.

Загребает руками горячий песок и делает большую горку. Затем наклоняется и плюет на самую ее вершину.

– Что нужно делать? – Брезгливо морщусь я, глядя на «вулкан» с лавой из слюны.

Он смеется.

– Каждый подгребают на себя понемногу. С любой стороны. Пока плевок не скатится. В чью сторону он свалился, тот и проиграл.

Киваю, и мы начинаем играть.

Никогда мне не было так весело, как в этот момент, когда я убиваю свое время на такую вот дурацкую игру.

А потом мы долго лежим на спинах, зарываясь руками и ногами все глубже в горячий сверху и прохладный изнутри песок. Я смотрю на ярко-голубое небо и думаю о том, что будет дальше. И стоит ли бояться этого будущего.

А потом являюсь домой прямо в том одеянии, в котором валялся на песке и купался. Мама кричит, причитает, хватаясь за голову, и приказывает отцу звонить в службу спасения. Кажется, ничто не может унять ее истерику. Папа обрабатывает мои раны и молча хлопает по плечу. Маман продолжает зудеть, меряя широкими шагами гостиную.

А я смотрю в окно, не проронив ни звука. Не слышу ее. Мне все равно. Насрать, как говорит девочка, чей силуэт мелькает сейчас в окне напротив быстрой черной тенью и тут же скрывается.

Наверное, она заметила, что я за ней наблюдаю.

Элли

– Милая?

Боже...

Его гребаный голос разрушает так тщательно выстроенную в моих мозгах идиллию.

– Что? – Хочется сказать мне, но вместо этого вырывается: – Ты где здесь милую-то увидел?

– Элис! – Взрывается отец, врубая свет в моей комнате.

А вот это уже похоже на правду. Вот теперь я верю – передо мной заботливый, ласковый папочка. Образцовый, мать его.

– Ты что-то сказал? – Улыбаюсь я, снимая наушники.

Он быстро проходит в комнату и срывает с окна простыню. Разумеется, я не стала ждать, когда он соизволит повесить жалюзи, и занавесила окно таким образом. Присандалила ткань прямо к оконной раме сверху с помощью строительного степлера. Знала, что его это страшно выбесит. Никак не могла отказать себе в удовольствии лицезреть рождающийся на лице папули праведный гнев.

– Какого... – Запинается он.

В его руке лишь кусок простыни, а второй обрывок ожидаемо остается висеть на раме, прибитый железной скобой.

Мне дико нравится то, что я вижу. Еле сдерживаюсь, чтобы не заржать. Вместо этого картинно зеваю и напускаю на себя скучающий вид.

– Это неприемлемо, Элис! – Вопит папочка.

– Меня зовут Эй Джей. – Замечаю отстраненно. Встаю и швыряю плеер с наушниками на столик. – В который раз прошу называть меня именно так, мистер Кларк.

– Хватит. Все. – Он проводит рукой по волосам, задыхаясь. – Больше я это терпеть не намерен.

Кажется, чаша его терпения уже переполнена. Но, пожалуй, пару капель еще выдержит. Поэтому я прохожу мимо и, направляясь к двери, добавляю:

– Тебе и не приходится ничего терпеть. – Пожав плечами, наклоняюсь на косяк. – Тебя же нет, ты вечно на работе. Так какая разница, что происходит дома?

Кажется, в него вселяется бес. Он, едва не сбив меня с ног, проносится в сторону коридора и возвращается с большой коробкой, в которой еще вчера привезли наши вещи. Подлетает к злосчастному туалетному столику и остервенело сгребает внутрь все, что стоит на нем: мою косметику, расчески, плеер, солнцезащитные очки, металлические перстни, заколки, кожаные браслеты.

Но и на этом папочка не спешит останавливаться. Выдувая из ноздрей пар, как огнедышащий дракон, бросается к моему гардеробу. В коробку летят рваные джинсы, косуха, клетчатые рубашки, многочисленные черные кофточки и даже тяжелые ботинки в количестве трех пар.

– Вау, – тихо произношу я, выдавливая из себя смешок. – Какая экспрессия...

На самом деле, не так уж и смешно. Давненько я не видела его в таком состоянии.

– Больше никаких этих... – рычит, оглядывая и швыряя мои тряпки в коробку, – загробных штучек!

Его глаза краснеют настолько, что, того и гляди, лопнут.

– О'кей... о'кей... – театрально поднимаю руки, – ты бы так не кипятился, ладно? В твоём возрасте вредно. Может случиться инфаркт, и все такое. – Пожимаю плечами, любясь тем, как раздуваются его ноздри. – Ну, ты ведь врач, должен и сам знать. Чего это я тебе рассказываю...

– Еще слово, и... – Папочка с глухим стуком обрушивает коробку на пол.

– И, кстати, они не загробные. – Складываю руки на животе. – Скорее поминальные. Но тебе не понять. Ты же никого не терял, правда?

– Всё. – Он подхватывает мои шмотки и тащит прочь из комнаты. – Я думал, это всё блажь. Думал, что пройдет, что ты перебесишься. Но, видно, с тобой нужно по-другому!

Шаркая ногами по полу, плетусь следом. Скорей бы ушел на смену. Мне очень необходимы сорок, а то и восемьдесят часов божественной тишины, во время которых меня никто не будет беспокоить.

– Больше никаких карманных денег! – Продолжает родитель.

– Напугал. – Бормочу я, хмыкнув.

– Никаких поблажек. – Он закрывает коробку, хватая скотч и опечатывает ее. – Будешь выглядеть так, как я тебе скажу. – Отпихивает коробку в коридор. – Делать будешь, как я велю. И только попробуй еще раз мне дерзнуть...

Лицо папочки так близко, что я едва не прикусываю язык. Вжимаюсь в стену и не знаю, чего еще можно от него ожидать. Наверное, не плохо, что он наконец-то вышел на эмоции. Я-то думала, внутри его брони давно все окаменело.

– О'кей, мистер. – Снова вскидываю руки и пытаюсь сделать безразличное лицо.

С непривычки выходит паршиво.

– Сейчас же ты смоешь со своего лица эту гадость, и мы поговорим!

– Еще чего, – усмехаюсь я.

По спине в это время бегут оголтелые мурашки.

– Захотела в закрытый интернат для девочек? – Прищуривается он. – Мне такой вариант предлагали. И не раз. – Вскидывает брови. – Для трудных подростков там особые условия. Весьма комфортные.

– Какие? – Вся моя решительность улетучивается. – Решетки на окнах? Так это замечательно. Зато будет с кем поговорить. Надзирателям явно будет больше дела до меня, чем тебе!

– Ты сейчас умоешься. – Говорит он тихо. В его взгляде застывает лед. – И мы поговорим. Выполняй, не то будет хуже.

И я понимаю, что на этот раз папуля не шутит. Хотела вывести его из себя – поздравляю, вывела.

– Я умоюсь. – Отвечаю, задрвав подбородок. – Но только потому, что сама так хочу.

И это определенно не фраза победителя.

Но я ухожу в ванную комнату, продолжая глупо улыбаться. И ничего, что улыбка эта похожа на кривой оскал, а мне самой ужасно хочется выть. Зато это интереснее, чем лежать в пустом доме и молча глядеть в потолок. Наконец-то между нами хоть что-то происходит. Меня заметили. Круто, очень круто.

– Ты была сегодня на занятиях в новой школе? – Спрашивает отец, наливая в мою тарелку молоко, когда мы уже сидим вдвоем в столовой.

– Да. – Кривлю лицом. – А ты был на новой работе? Как тебе?

Ненавижу эту гадость – молоко. Почему для того, чтобы изобразить идеальный семейный завтрак, нужно сидеть и делать вид, что тебе вкусно и интересно? Да папашке наплевать и на меня, и на чертовы хлопья в моей тарелке. К чему все это?

– И как тебе? – Игнорирует мой вопрос.

Пожимаю плечами.

– Нормально.

Семья должна общаться. Должна собираться за общим столом. Вот для чего папочка насиливает себя совместным завтраком. Ради того, чтобы я могла чувствовать себя нормальной. Такой же, как все.

Ужасно мило.

– Мне звонили из школы. – Его взгляд пронизывает меня насквозь, а тон заставляет вздрогнуть и напрячься. – Ты ушла после первого урока, Элис.

Я открываю рот, чтобы поправить его, но тут же закрываю. Черт с ним. Кто знает, как сильно он может взбеситься на этот раз?

– Было скучно, вот я и ушла. – Говорю обыденно и сразу впиваюсь глазами в тарелку.

– Мы пообщались с твоим учителем, с мисс Джонсон.

О, а вот это совсем непривычно. Он интересуется моими делами. И это очень пугает.

– И? – Сглатываю.

– Тебе нужно подтянуть учебу, чтобы не пришлось сдавать заново все тесты за прошлый год.

Медленно бултыхаю ложкой в тарелке, боясь дышать. Все было гораздо лучше, пока ему было по фиг.

– Угу. – Цокаю языком.

Это должно означать что-то типа «я подумаю, но сделаю по-своему».

– Вчера я познакомился с миссис Салливан, ее семья живет в доме напротив.

– Я думала, брюнетки не в твоем вкусе. – Не выдерживаю я.

Моя язвительность заставляет папочку сжать пальцы в кулаки.

– Мы решили, что ее сын Майкл мог бы помочь тебе с учебой.

Что?! Этот рыжий очкарик, одетый по моде шестидесятых?! У меня хлопья застревают комом в горле.

Нет, только не это...

– Ты должна понимать, что я не шучу, Элис. – Папа наливает себе сока, продолжая сверлить меня внимательным взглядом. – Если ты ослушаешься, буду вынужден принять меры.

– Ты только это и умеешь. – Выдыхаю я, бросив ложку. – Ты вообще слышал что-нибудь когда-нибудь о простом человеческом отношении? А? Знаешь, что такое быть нормальным? Быть просто отцом? – Встаю и швыряю на стул салфетку. – Хотя, о чем это я? Ты же забрал меня у нее, чтобы сделать ей больнее. Только вот ей я была нужна, а тебе – нет!

– Элис, если я еще раз узнаю, что ты пропустила уроки... – Рычит он мне в спину.

И меня это жалит больнее кнута.

Разворачиваюсь и ору ему в лицо:

– Да буду я ходить в твою чертову школу! Ни одного гребаного урока не пропущу! И с ботаником этим твоим буду заниматься! Все ради того, чтобы выучиться и скорее свалить из этого дома и из твоей никчемной жизни, хренов эгоист!

Вижу, как отец краснеет от гнева и медленно поднимается из-за стола, поэтому спешно добавляю:

– Прямо сейчас и пойду.

И, высоко подняв подбородок, топаю к двери. Распахиваю ее и вываливаюсь на улицу. Сердце стучит где-то в горле, колени трясутся. У меня всего секунда, чтобы решить: идти поперек его воли или позорно подчиниться. Но ноги сами уже несут меня к большому светлomu дому напротив.

Иду. Быстро стряхиваю слезу и отгоняю воспоминание, которое преследует меня последние восемь лет.

Мы в суде. Родители разводятся. Удар молотка, и меня начинают оттягивать назад, отнимают от мамы. Я тяну и тяну к ней свои тощие ручки, плачу, не понимаю, как такое может быть. Почему нас разлучают? А она виновато закусывает губу и прижимает ладони к своей груди. Словно ей сердце вырезали.

Мы смотрим друг на друга очень долго, наши взгляды не разорвать, как и нашу связь. Мы едины. Но ровно до того момента, пока отец не выносит меня из зала на своих руках.

Я останавливаюсь, выдыхаю и решительно стучу в дверь напротив, умоляя, чтобы внутри никого не оказалось. Незаметно смахиваю еще одну подступившую слезинку. Робко оборачиваюсь и вижу папочку, застывшего у окна.

«Пусть никого не будет дома. Пусть не будет».

Но из-за двери доносятся неторопливые шаги. Три, два, один. Сердце замирает.

– Привет, – хмыкаю я, когда передо мной предстает мальчишка.

Выше меня на полголовы. Медно-рыжая копна волнистых волос, тонкий, прямой нос, сжатые в линию искусанные губы и пронзительные зеленые глаза.

Сначала он бледнеет, словно привидение увидал, а затем начинает медленно покрываться краской. Сперва краснеет его шея, затем подбородок, щеки, лоб. Совершенно белая кожа вмиг становится пунцовой, и выглядит это так, будто он сейчас закипит, как чайник. Вот-вот пар из ушей повалит.

– А... Э... – мычит он, выпучив глаза.

Приступ у него, что ли, какой? Начинаю переживать за парня.

– Слушай, – говорю, оглядываясь назад, – ты бы хоть улыбнулся, а?

– Э... – Точно немой, блеет он.

Сглатывает неприлично громко и широко распахивает свои глазищи.

– Понятно. – Нервно почесываю свой лоб, а затем пристально смотрю в его лицо. – Ты Майкл, да?

– А... да...

– Значит, так, Майкл. Ты сейчас улыбаешься, делаешь вид, что рад меня видеть. Я улыбаюсь тебе в ответ и вхожу, потому что моему папочке позарез нужно, чтобы я подружилась с кем-то из местных. Лады?

– Ё... – коротко кивает парень, делая неуверенный шаг назад.

Наверное, это означает «лады».

Поэтому я с облегчением шагаю внутрь. Уши рыжего к этому времени делаются уже адски пунцовыми. Боюсь, если прикоснуться к ним, можно знатно обжечься.

– Ну, привет, сосед. – Оглядываюсь по сторонам. – Рассказывай, как жизнь?

Майкл

Она проходит в гостиную, а я наваливаюсь на дверь, чтобы не потерять сознание. Пользуюсь тем, что можно отвернуться и отдышаться. А еще несколько раз проорать про себя: «Господи, это что, все реально?!»

Медленно тяну носом воздух, выдыхаю, оборачиваюсь и... застываю. Элис стоит, сложив руки на груди в замок, и пристально смотрит на меня. У меня в горле моментально пересыхает, ноги делаются ватными, а мозги, которые способны в уме складывать шестизначные числа, напрочь отказываются подчиняться.

– Стесняюсь спросить, – вздыхает она, продолжая гипнотизировать взглядом, – как ты живешь в этом музее? У моего отца в операционной не так чисто, как у вас.

– Хм. – Мысленно умоляю дар речи вернуться ко мне. И желательно побыстрее. – На самом деле, в операционной гораздо чище, потому что стерильность там обеспечивается за счет предупреждения занесения микроорганизмов из других помещения и распространения их по операционной. – Выпалив это, я поправляю новенькие очки и продолжаю: – Важную роль также играет вентиляция...

– Стоп. – Девчонка таращится на меня во все глаза. А они у нее, надо признать, просто магические. Черные, большие, с длинными пушистыми ресницами. – Стоп, стоп! – Она вскидывает руки. – Вот этого всего не надо, ладно? Давай договоримся сразу: или ты разговариваешь со мной как нормальный чувак или я, на хрен, ничего не пойму из твоей речи.

А ей идет без косметики. Не понимаю, зачем она так густо мазала губы и брови черным. Теперь, в простых синих джинсах, широкой серой футболке, с распущенными волосами и чистым лицом она кажется мне настоящим ангелом. Не важно, что за словечки слетают с ее красивых пухлых губ, я-то вижу – глаза у нее добрые. А от улыбки в помещении становится светлее и теплее.

– Я просто хотел сказать, что в операционной точно чище.

– Ага. – Она морщится, словно ожидая от меня еще каких-то непонятных для нее фраз.

– Чистота для мамы очень важна. – Продолжаю молотить языком, точно в бреду. – Она строго следит, чтобы приходящая прислуга до блеска полировала полы, и заставляет их использовать для этого специальное средство, которое заказывает из Германии. – Часто-часто моргаю, не в силах успокоиться. Прячу руки в карманы брюк. – Поэтому у каждого из нас есть пара домашней обуви.

– Чувак... – Она прикусывает губу. – Несладко тебе живется. М-да...

А я считаю складочки на ее лбу, пока они окончательно не расправляются и не исчезают.

– Так... – Делаю вдох, но в легкие врывается слишком много воздуха, и мне приходится кашлянуть. – Так ты... Элис, да?

Качает головой:

– Меня зовут Эй Джей.

Разворачивается и идет в гостиную, по пути оглядывая обстановку.

– Присаживайся, – говорю я, вспомнив, что нужно быть гостеприимным хозяином.

– Не-а. – Помедлив, говорит девчонка. – Не буду пачкать ваш белоснежный диван. Есть в этом доме другое место, куда можно кинуть жопу, не боясь что-нибудь испачкать?

Ругательство вылетает из ее рта, а щеки жжет у меня. Это так ужасно... волнительно и... захватывающе. То, как она ругается, и насколько гармонично при этом смотрится. Сквернословие в нашем доме всегда было под запретом, но у меня мурашки бегут по коже, потому что я вдруг осознаю, что хочу слышать эту гадость из ее уст снова и снова. И сам хочу быть таким же гадко крутым.

– А... – Веду взглядом по гостиной, в панике отыскивая такое место.

– Идем на кухню. – Предлагает Эй Джей по-хозяйски. – Кстати, где она у тебя?

Указываю жестом, и мы идем туда.

– Так. О, неплохо. – Радуетса она, распахивая холодильник. – Ты уже завтракал, Майкл?

– А... я? Э... нет.

– Тогда садись, я накрою на стол.

Топчусь на месте, пока гостья достает продукты с разных полок. Жду уточнения – в столовую мне пройти или остаться здесь, чтобы помочь донести тарелки.

– Э-э, ты куда? – Окликает она меня, когда делаю шаг в сторону. – Сюда падай, Майки. Мы просто пожрем, о'кей? Не нужно для меня накрывать в этом траурном зале и тащить на стол лучший мамочкин сервиз, ладно? Просто расслабься.

– Х-хорошо. – Киваю я.

Тяну за спинку стула, и тот громко скрипит по полированной поверхности пола.

– Уоу... – Морщится девчонка, прижимая ухо к плечу, потому что руки ее заняты тарелками.

– Прости... – Мямлю я.

Незаметно, (как мне кажется), вытираю каплю пота со лба. Сажусь, придвигаю стул к столу и громко сглатываю.

– Молока? – Предлагает она.

– Нет, спасибо. – Отказываюсь. Вспоминаю, что мамочки нет дома, и тихо добавляю: – Ненавижу эту гадость.

– Ого. – Гостья замирает и довольно хмыкает. – А у нас с тобой много общего. – Проходит глазами по моему лицу, затем по фигуре. – Намного больше, чем может показаться... на первый взгляд.

– Спасибо.

Она улыбается, берет нож, режет хлеб и мясо.

Я наблюдаю. Я ослеплен ее улыбкой. Она кажется такой искренней, поэтому мне, наконец, удается немного расслабиться. И, надо признать, так легко и хорошо мне бывает только с Джимми.

– Держи. – Эй Джей с грохотом ставит передо мной тарелки с сэндвичами.

Разглядываю толстые куски бекона и говядины, зажатые между треугольничками хлеба, зеленью и дольками томатов. Они такие не совершенные. Все разной толщины, кривые. Но от этого, почему-то, не менее прекрасные. Возможно, со мной что-то не то происходит, но, кажется, все, к чему эта девчонка не прикоснется, становится лучше.

– Так... почему ты зовешь себя Эй Джей? – Решаюсь задать вопрос. – Я слышал, как твой отец называл тебя Элис.

Она садится напротив меня и ставит на стол банку с арахисовым маслом.

– А почему ты носишь эти странные шмотки? А? – Кладет локти на стол и упирается подбородком в кулачки. – Вот точно в такой же рубашке моего деда хоронили. Зуб даю. А брюки... – Приподнимается, чтобы взглянуть на мои ноги через стол. – Парень, должна тебя огорчить. Фасончик у них такой, будто ты кучу наложил, сечешь?

Меня бросает в жар.

– Мама говорит, это классика... Аккуратно, элегантно, практично. Еще она никогда не выходит из моды. – Заливаюсь краской.

– Тебя обманули.

– Но мама...

– А ты за мамкину сиську до старости собрался держаться? – Усмехается она.

Зачерпывает арахисовое масло указательным пальцем и слизывает языком.

– Я не... – У меня дыхание перехватывает, когда ее язык прячется меж пухлых розовых губ.

– А завтра она тебе невесту выберет. Из своих. Ну, из роботов, помешанных на чистоте и этикете. – Эй Джей деловито зачерпывает новую порцию масла. – И сосватает. Ты согласишься?

– Н-нет... – Выдыхаю я. – Не-е-т!

Беру дрожащими пальцами сэндвич.

Не хочу робота. Только не это.

– А теперь давай, рассказывай, – она берет ложку и мажет масло на хлеб, – что у вас приключилось пару дней назад?

Впивается зубами и откусывает большой кусок хлеба. Жует, облизывает губы. Меня это зрелище завораживает. Заставляет забыть, как нужно дышать.

– Ты о чем? – Еле выдавливаю.

– Ну, о том, как ты притащился домой во рванье со сбитыми коленями. – Эй Джей одаривает меня очередной сияющей улыбкой. – Я все видела. – Довольно кивает. – И слышала. Твоя мать визжала так, будто ее индюк в задницу клюнул!

И я невольно начинаю смеяться. И рассказываю все, как на духу. И вижу, как она реагирует: ее зрачки расширяются, рот открывается от удивления, сэндвич падает на тарелку и разваливается.

Для меня заявиться домой в таком виде было настоящим геройским поступком, но, увидев одобрение в глазах этой девчонки, я понимаю, что оно того стоило. И говорю, говорю, снова и снова расписываю все в деталях.

А потом мы поднимаемся вместе наверх. Элис рассматривает учебники на полках, мои дипломы за победы в научных состязаниях, переставляет вещи с места на место, открывает гардероб.

– Нужно все это сжечь, – смеется она.

И я согласен. На все согласен, ради того, чтобы она вот так стояла посреди моей комнаты и так заливисто хохотала.

Мы вытаскиваем вещи прямо на пол, яростно топчем их, отрываем рукава и пуговицы. Скидываем в кучу у двери. Эй Джей обещает достать мне нормальную одежду, а я киваю, понимая, что готов ради нее облачиться хоть в картонную коробку.

– Вот здесь закатаем, – она расстегивает манжеты и подгибает рукава рубашки, в которую я одет. – Расстегнем верхнюю пуговицу. Так-то лучше.

Снова улыбается, а я понимаю, что пьян от одного ее присутствия. От легкого лавандового аромата, исходящего ее кожей, от нежного запаха волос. И дико рад тому, что кто-то еще в этом мире разглядел во мне «чувака», а не ботаника.

А потом она уговаривает меня показать ей комнату моей мамы. Мы заходим в матушкину спальню, и Эй Джей бесцеремонно лезет в платяной шкаф. Примеряет платья, а я лежу на кровати и хохочу. Не могу остановиться. Так забавно она в них смотрится – точно пришелец из семидесятых.

Девчонка наматывает на шею длинные бирюзовые бусы, напяливает берет, повязывает шарфик на шею и дефилирует по комнате взад и вперед. Я громко аплодирую, и наряд снова меняется: теперь на ней платье-халат и широкополая шляпа. И мы смеемся уже до слез, потому что Элис копирует походку моей мамы. Она извиняется, но мне все равно. Ведь это правда – мама так и ходит. Будто ей швабру меж лопаток загнали.

А когда к дому подъезжает мамин автомобиль, мы начинаем судорожно развешивать ее юбки и костюмы обратно на плечики. Закрываем шкаф, поправляем бутылочки на туалетном столике и расправляем складки на бархатном покрывале. Хрюкая от смеха, слетаем вместе вниз по лестнице и застываем посреди гостиной как раз в тот момент, когда входная дверь распаивается.

– Миссис Салливан, – приветствует мою мать Эй Джей. – Рада вас видеть!

И громко шмыгает носом, чтобы не рассмеяться и нагнать серьезности виду.

– О, ты, должно быть, Элис? – Слегка склоняет голову маман.
Ее руки, облаченные в белые перчатки, сжаты на поверхности модной сумочки.
– Да. Я приходила познакомиться с вашим сыном.
– Привет, мама, – краснею я, когда родительница переводит на меня холодный взгляд.
– Майкл любезно согласился подтянуть меня по учебе, – Эй Джей чешет за ухом.
– Вот как. – Матушкиных губ касается кривая улыбка, больше похожая на ухмылку.
Ее глаза буравят гостью, забираясь, кажется, даже под кожу.
– Да. – Улыбается девчонка. – Но... мне уже пора. – Обходит ее бочком и направляется к выходу. – Всего доброго! Пока, Майкл!
– Пока...
– До свидания, – мама сдержанно вежлива.
Держит марку.
Дверь захлопывается, заставляя меня вздрогнуть и быстро прийти в себя.
Мамин взгляд бросается на меня, точно коршун на добычу – молниеносно и эффективно.
Проникает в самое нутро. Я тяжело вздыхаю и понимаю, что, пожалуй, придется туго. Хотя бы, потому что в воздухе стоит плотный удушливый аромат маминых любимых духов, которые Элис щедро лила на себя буквально десять минут назад.

Джеймс

В этом районе всегда шумно по вечерам. А еще темно, как в самой темной дыре на свете. Ни одного чертового фонаря – здесь о них как будто и не слышали. Единственное освещенное место – бар, в котором собираются все пьянчуги с округи. Сегодня, как и всегда, там будет не протолкнуться.

Подхожу ближе. Здание представляет собой одноэтажную хибару с покосившейся дверью и огромной вывеской «Бар у Эдди». Возле входа пританцовывают от холода местные шлюхи. Они жадно дымят и приглядывают себе клиентов. Не обходят взглядом и меня: я хоть и худой, но для своего возраста довольно рослый.

– Малыш, не хочешь развлечься? – Выдохнув струю дыма, мурлыкает старая шалава с лошадиным лицом. И, выставя вперед ногу, обтянутую сетчатым чулком, зазывно гладит себя по бедру.

Но, стоит мне выйти из тени, как улыбка на ее густо покрытом косметикой морщинистом лице сменяется кислой миной:

– А, это ты...

– Как дела, Шелли? – Усмехаюсь.

Меня здесь все знают. А еще они все в курсе, что с меня нечего взять – мы бедны, как диванные клопы. И воняем также.

– Все нормально, Джимми. – Она затягивается, демонстрируя длинные ногти с облупившимся по краям маникюром. – Только вот с клиентами тухло, сам видишь.

– Ничего, – будто бы утешая ее, – еще ведь только начало вечера.

И прячу руки в карманы.

– Кроме шерифова сынка сегодня еще и не было никого. – Вздыхает Шелли, небрежно приваливаясь к стене. Ее юбка шириной с мою ладонь задирается, обнажая край коралловых трусиков. – Парнишка пришел расставаться с девственностью. Большое дело. Видать специально копил, откладывал со школьных завтраков или карманных денег. – Шлюха смеется, отгоняя рукой сизый дым. – Мятые пятерки, замусоленные десятки. Умора! Вывалил все это передо мной и покраснел. – Она закатывает глаза. – Пришлось, как следует, поработать, чтобы расшевелить его дружка. Пока в рот не взяла, он и не проснулся. Забавный мальчишка.

– Ясно. – Прочищаю горло, старательно отгоняя от себя яркие картинки того, как Чарли Андерсон развлекается со старой проституткой на папины деньги. – Я ищу свою мать. Не видела ее?

Шелли тушит бычок о стену и швыряет прямо на землю.

– Малыш, не совался бы ты туда. – Кивает на бар. – Этот ублюдок Джо настоящий псих. Я начинаю переживать за тебя.

– Все будет нормально, Шелли. – Обещаю.

– Не уверена. – Она поправляет титьки, затянутые в блестящий розовый топик, и складывает руки на жирной талии.

– Я тебе говорю.

– В прошлый раз он вышвырнул тебя отсюда пинком под зад, малыш. И выбил твоей матери зуб.

При мысли о возможной встрече с хромым Джо у меня желудок начинает колотить нервной дрожью.

– Просто спрошу, не собирается ли она домой. Ее трое суток уже не было.

Шлюха цокает языком.

– Ну, о'кей. Мое-то какое дело? – Пожимает плечами. – Удачи тебе. – Делает несколько шагов по направлению к своим товаркам и оборачивается. – Если тоже надумаешь... ну, я насчет того, чтобы обкатать твоего жеребца в первый раз, приходи, сделаем в лучшем виде.

– О, спасибо... – Теряюсь я, еще раз оглядывая ее с ног до головы.

Она подмигивает.

– Всего за пол-цены, Джимми, ведь ты такой хороший и сладкий мальчик. Мне даже будет приятно сделать это для тебя.

Отворачивается и выходит под свет вывески. А я толкаю дверь в бар и окунаюсь в запах пота, мочи и чьей-то кислой отрыжки. В баре темно, как в уличном сортире. Свет идет только от барных полок и единственной лампы над потертым бильярдным столом. Посетителей не так много: трое доходяг отхлебывают пиво за столиками, двое трутся возле музыкального автомата, еще один спит, наклонившись на стену.

– Привет, Джимми, – прорывается сквозь музыку голос хозяина заведения.

У меня во рту пересыхает, потому что я боковым зрением уже вижу мою мать, развалившуюся в глубине зала на скамейке. Похоже, она в отключке. Пытаюсь взять себя в руки и дышать глубоко, но грудная клетка сжимается с такой силой, что не получается даже вдохнуть.

– Давно она в таком виде? – Спрашиваю у него.

Эдди наваливается на стойку и смеряет меня полным сочувствия взглядом:

– Пару часов, сынок.

– Я заберу ее.

– Джо просил ее не трогать. – Он выпрямляется и нервно поправляет закатанные до локтей рукава клетчатой рубашки.

– Мне плевать, что он просил. – Сжимаю зубы.

– Не получилось бы как в прошлый раз, Джимми.

– Не получится. Сколько она должна тебе, Эдди?

Он усмехается и качает головой.

– Нисколько, пацан. Это не твоя головная боль, в любом случае. – Хозяин заведения стучит пальцами по стойке. – Самому-то есть, что пожрать?

В этот момент у меня начинает громко урчать в пустом желудке, но в таком шуме никто бы этого и не услышал.

– Все нормально, Эдди.

– Не похоже. – Бросает взгляд на мою грязную футболку, затем на рваные кеды. – Ты ж тощий, как клюка моей бабки.

– Скажешь ему, что она сама ушла, ладно?

Неохотно кивает.

– Разумеется.

И я иду к лавке, на которой воронкой кверху, прислонившись к облезлой стене, дрыхнет моя мать.

– Мам... – Зову, присаживаясь на корточки, и тормошу ее.

Она выглядит настоящей старухой. Поседевшие волосы свалились, по лицу протянулись сухие морщины, губы обветрились и сильно потрескались. Еще и бледная, как труп.

– Мам... – мне становится страшно.

Сердце сжимается и испуганно жмет к ребрам.

– Мам! – Трясу за плечи, глажу по щекам.

Наконец, ее веки шевелятся. Она шурится, будто от солнечного света. Открывает рот и беззубо улыбается:

– Джеймс...

Меня трясет. Оглядываюсь по сторонам. Если она не в состоянии идти сама, то мне придется туго. Пожалуй, утешить ее на себе будет не по силам.

– Мам, – кладу голову ей на грудь.

От нее пахнет бухлом, потом и травкой. Мне хочется реветь от отчаяния. Почему? За что мне это все? Я еще помню ее цветущей молодой женщиной. До того, как отец ушел. Да, мы жили бедно, но мы жили. А теперь... что это? Разве жизнь? Это настоящий ад. Она и прежде часто меняла приятелей, чтобы свести концы с концами, забыться или не чувствовать себя одинокой, но теперь... Она же скатилась совсем.

А главное – почему Джо? Почему этот мерзкий ублюдок?

– Мой Джеймс, – она проводит рукой по моим волосам, смотрит так нежно, с такой любовью, что у меня щемит в груди от боли, – я так соскучилась, сынок...

Ее пальцы мечутся по моему лицу суетливо и хаотично. В покрасневших глазах – смесь безумия, смятения и кайфа, поэтому я качаю головой, пытаюсь сдержать слезы и рвущиеся наружу ругательства.

– Пойдем отсюда. – Прошу тихо.

В ее взгляде остатками сознания вспыхивает беспокойство.

– Нет. – Мотает головой, оглядываясь. – Я не могу.

– Можешь, пошли.

– Нет, сынок. – Упирается ладонями в мою грудь.

– Идем. – Прижимаю ее к себе.

– Но Джо...

– Плевать на Джо!

– Не говори так, – отстраняется она. – Он очень щедрый, он любит меня!

– Он бьет тебя! – Вцепляюсь пальцами в ее запястье.

Она уставляется на мои руки. Хлопает глазами непонимающе, и мне приходится разжать захват.

– Прости. Прости, сынок... – С ней вдруг приключается какая-то резкая перемена. Веки наполняются слезами, подбородок дрожит.

– Все хорошо, мам. – Морщусь я. Сглатываю свои обиды и переживания. Пытаюсь отдышаться. – Только пойдем отсюда, ладно?

Боязливо оглядываюсь по сторонам.

– Любимый мой мальчик, – шмыгает носом мама.

Гладит меня по лицу и волосам. Ее трясет. Она рыдает, затем улыбается. Утирает рукавом пузырящуюся под носом зеленую соплю.

– Мой Джеймс, моя радость, моя гордость.

– Прошу тебя, мама, пошли.

– Нельзя... – переходит на шепот она. – Джо сказал, чтобы я ждала его здесь. Надо остаться, иначе, он разозлится, и тебе тоже попадет...

– Господи... – Я оседаю на пол и громко вдыхаю, чтобы не разрыдаться вслед за ней.

Мне словно раскаленную магму пустили по венам, я горю изнутри, меня душат злость, обида, разочарование. Закрываю ладонями лицо, давлю пальцами на веки и бессильно рычу.

Нужно взять себя в руки. Успокоиться и действовать. Ну, же! Ты же мужчина, давай! Ну!

– Так. – Встакиваю на ноги. – Пошли, я сказал.

– Нет, Джимми...

– Пошли! – Подхватываю ее подмышки. – Больше никаких Джо, понятно?

– Но...

– Мы с тобой и вдвоем справимся, ясно? Больше никакой дряни, никаких баров и попоек с твоим дружком. Это я тебе говорю, твой сын!

Она плачет и упирается. Я вижу, как Эдди отворачивается, но остальные смотрят прямо на нас, а, значит, дело худо. Тихо улизнуть уже не получилось.

– Сынок. – У матери подгибаются колени. – Лучше уйди. Прошу.

Взваливаю ее на свое плечо и сжимаю челюсти.

– Мы уйдем отсюда только вместе.

Мать рыдает, отбрыкивается, но я держу ее из последних сил. Будь, что будет. Я не могу оставить ее здесь подыхать. О ней нужно заботиться, мыть, кормить, оплачивать счета, наконец. Пусть этот урод убьет меня, но в обиду мать больше не дам.

Ногой открываю дверь, и мы вываливаемся на улицу. Шелли, садящаяся в машину к клиенту, качает головой, затем отводит глаза. Я расталкиваю шлюх и пробиваю нам дорогу к тропинке, ведущей через кусты к трейлерному парку.

– Все будет плохо... будет очень плохо... – всхлипывает мать, опираясь на меня.

Еле передвигает ногами.

– Все будет хорошо.

Она начинает смеяться. Мне хочется ее ударить, чтобы успокоилась, но вместо этого я до крови прикусываю свою губу.

«Долбаный Джо, на какую дурь ты ее посадил?»

– Обещаешь? – Мать утыкается носом в мою грудь.

Меня мотает из стороны в сторону, потому что больше нет сил, ее удерживать. Слезы разъедают глаза, руки и ноги трясутся, дыхание сбивается.

– Обещаю.

Майкл

Ладони потеют. Вечернее солнце обволакивает ласковым светом, но в городе стоит такая духота, что начинаю переживать, вдруг вот-вот у меня подмышками по ткани рубашки расплывутся позорные круги? Чувствую, как по позвоночнику медленно сползают две предательские капли, и начинаю нервничать еще сильнее.

Она сказала, что придет в семь. Уже десять минут восьмого, а ее все еще нет. Попросила подождать ее возле магазина. С обратной стороны. Где я и стою, переминаясь с ноги на ногу, ощущая себя полным дебилом, которого вероломно обманули.

Конечно, она не придет. Просто поиздевалась надо мной. А ведь вчера мне казалось, что мы поладили. Меньше нужно доверять людям, будет мне урок.

Надо признаться, после знакомства с Элис я всю ночь не мог уснуть, периодически вставал и подходил к окну, чтобы посмотреть, не спит ли она. Но за стеклами ее дома всякий раз стояла непроглядная темень. А я все вглядывался и вглядывался, пока не начинало казаться, что тень за ее шторкой шевелится.

Конечно, я все себе выдумал, но мне нужно было снова почувствовать это – безумное, почти нереальное ощущение свободы, которое эта девочка привнесла в мою жизнь. Настоящий ураган эмоций.

Мама тоже сразу поняла все по моему взгляду. Попыталась отчитывать, затем вела задушевные беседы, внушала, что главное для меня сейчас учеба, а дружба с хулиганкой только навредит.

Черт, да она смотрела на загнутые рукава моей рубашки, как на что-то неумолимое и страшное. Для нее это не было просто дурачеством, мама будто в один момент поняла, что теряет контроль над всей моей жизнью. Очень сильно испугалась. Она не стала делать мне замечаний или заставлять переодеться, даже не орала по поводу горы выброшенных вещей.

Матушка была просто в ужасе. Утирала слезы, ходила за мной по пятам, показывала, какой хорошей и ласковой может быть. А я видел в ее поведении лишь смену тактики. Видел в ее глазах страх потерять меня, своего мальчика, который был таким послушным звеном вгодами выстраиваемой ею модели идеальной жизни, а теперь решил проявить волю и подать голос.

Но с появлением в моей жизни Элис и Джимми я словно проснулся от долгого сна. Вдохнул свежего воздуха, размял кости, ожил. Я почувствовал силу, которая копилась во мне все эти годы. Сила, о существовании которой даже не подозревал.

– Эй, – раздается голос Эй Джей где-то рядом.

В груди перехватывает, мозг резко возвращается в состояние беспокойства, кожу покалывают тысячи мелких иголок. «Что это? Где она?» Оборачиваюсь. Возле здания пусто, на парковке всего с десяток машин, и ни одной живой души.

– Эй, пфс! – Свистит.

И я понимаю, что эти звуки раздаются откуда-то сверху. Задираю голову.

– Оглох? – Смеется Элис.

Меня словно с ног сбивают. В присутствии этой оторвы сложно оставаться вменяемым: мысли путаются, ноги предательски трясутся, кишки завязываются в узел, а желудок вообще колом встает. Меня плющит.

– Майки... – Рычит она, высовывая голову из маленького узкого оконца в метрах трех от земли.

Пытаюсь сфокусироваться на ее лице. В груди, как волна, вспыхивает смущение.

– А? – Моргаю, как последний придурок.

Щурюсь от солнца, невольно строя забавные рожи. Пальцы взъерошивают прическу, над которой я трудился не меньше часа, а затем сами находят убежище в карманах брюк. Это вызывает у Элис улыбку.

Я ошибался.

Ее улыбка – она не просто сияющая. Она живая, теплая, ласковая. К ней безумно тянет. В ней нет фальшивости, вымученности, наносной учтивости. Эта улыбка честнее всего на свете. Она лишает воли, но вместе с тем дарит и какое-то необыкновенное чувство легкости и уверенности, чего я раньше совершенно не знал.

А еще она предназначена мне.

И это убийственно нереально.

– Майки, лови скорее!

И я едва успеваю среагировать: сверху на меня летит что-то маленькое, прямоугольное и блестящее. Выбрасываю вперед руки и ловлю – это шоколадка в обертке из светло-коричневой фольги.

Поднимаю голову – снова ее улыбка, два ряда белоснежных ровных зубов из приоткрытых пухлых губ. Зрелище завораживает.

– Давай быстрее! – Зачем-то шепчет Элис. – Держи еще!

Я начинаю понимать, что происходит, и мои щеки пылают. Заталкиваю шоколад в карман брюк и на лету подхватываю летящее вниз печенье. Следом за ним девочка швыряет леденцы, орешки, упаковку чипсов, батончики с гранолой, какой-то кекс и пару драже в цветной шоколадной глазури.

У меня кончаются карманы. Я не успеваю все это распахивать. Кровь в венах бурлит, а мозг пытается переварить ситуацию: мы воруем! Воруем! Элис стоит в туалете супермаркета на подоконнике или прямо на толчке и вышвыривает в окно наворованное, а я... ее поделник.

Господи... Да в любую секунду могут увидеть и схватить любого из нас. И это... это... чертовски захватывающе...

Ничего подобного мне прежде никогда не доводилось испытывать. Панический страх, замешанный на остром удовольствии и адреналине. Очень-очень страшно! Но если бы не ее улыбка, я бы точно раскис и облажался. Присутствие рядом Эй Джей – вот, что держит меня на плаву и не дает обделаться прямо в штаны, пока я дрожащими и мокрыми от пота пальцами запикиваю сладости себе прямо за ворот рубашки.

– Всё? – Хрипло шепчет она.

Вижу в отверстие окна только ее глаза, затем появляются и руки.

– Да... – Боязливо оглядываюсь по сторонам.

Я выгляжу сейчас, как раздутый Бобби. Только он набит жиром, а у меня под одеждой сладкие драже и печеньки с кремом. Правда, Бобби сбежал бы, появившись здесь копы, а я, скорее, бахнусь в обморок, чем попробую удрать.

– Тогда держи последнюю, сейчас я выйду.

– А?

Поднимаю глаза вверх и не успеваю среагировать. Прямо на меня летит большая бутылка газировки. Последняя мысль: «Как ее-то она смогла протащить в уборную?» И свет гаснет. Ненадолго, но этого хватает, чтобы я рухнул на задницу, а затем приложился затылком об асфальт.

– Эй, ты как? Пфс!

Ее голос приводит меня в чувство. Голова кружится, затылок гудит.

– Майки! – Зовет Эй Джей тревожно.

– А, да. – Кашляю, приподнимаясь. – Все. Хорошо.

– Лады.

Перед глазами все плывет. Дно тяжелой бутылки приземлилось точно в мою грудь, прямо в солнечное сплетение. Готов поспорить, если бы не напиханные под рубашку упаковки со сладостями, то меня вырубил бы надолго.

Сажусь, потираю ладонью ушибленное пространство на груди меж ребрами. Голова продолжает кружиться, но внимание привлечь нельзя, терплю, сжимая зубы. Осторожно подтягиваю к себе злосчастную бутылку за горлышко и встаю. Покачиваясь, отхожу за мусорные баки и прислоняюсь спиной к стене.

Нужно срочно прийти в себя. Нельзя быть дрищом, по крайней мере, рядом с Элли. Я мужик, мужик...

Элли...

Это имя идет ей больше, чем безликое Эй Джей. Оно мягкое, как и она сама. Потому что я вижу ее насквозь. Добрую, нежную, веселую. Свет, идущий от нее, пробьется через любую маску, которую бы она не надела. И через грубость, и через равнодушие, и через напускную безбашенность.

– Привет! – Она появляется неожиданно.

Немного угловатая и худая. Нет, тощая. В коротких шортах и просторной футболке Элли смотрится настоящей пацанкой. Ее волосы убраны в хвост, глаза подведены черным, в носу блестит серебряное колечко.

– Хэй, – выдыхаю я.

Она тянет ко мне руки, и мое дыхание перехватывает. Невидимая сила словно вырывает меня из тела и тут же возвращает обратно – это был всего лишь дружеский хлопок по плечу. Но по коже уже расползаются пьяные мурашки, а я воображаю, каково это – обнимать ее по настоящему.

– Ты – молодец, – Элли кивает головой в сторону дороги. – Идем отсюда скорее.

Отрываюсь от стены и плетусь за ней, как на невидимом поводке.

– Неужели нельзя было просто купить это все?

Услышав это, она буквально подпрыгивает. Ее лицо удивленно вытягивается, рот приоткрывается, ресницы хлопают часто-часто.

– Но это же не весело! – Усмехается.

Да уж, весельице. К моему мокрому от пота телу прилипли все эти блестящие упаковки и скользкая фольга. Каждый мой шаг теперь отдается нелепым хрустом под рубашкой, а глаза то и дело лихорадочно рыщут по дороге, опасаясь погони.

– Да расслабься ты, Майки! – Она наваливается на мое плечо, тычется головой, как котенок, и сразу отпускает. – Мамка, видать, тебя совсем затюкала!

«Как же у нее все легко и просто». Мое сердце пропускает сразу несколько ударов.

– Предупредила бы хоть. – Вздыхаю.

– Не занудствуй, – смеется она.

Лезет в карман моих брюк и вытаскивает шоколадку. У меня в горле сохнет, а девчонка в этот момент спокойно отрывает хвостик от упаковки и швыряет в стоящую на обочине урну. Смачно откусывает батончик, а я, как ошалелый, пялюсь на прилипший к ее нижней губе кусочек мягкой вязкой карамели.

– Мы могли влипнуть по уши... – бормочу, мечтая слизнуть с ее губ эту сладость.

И жар приливает к голове от одной только этой мысли, а с телом творится совершенно непонятная ерунда. Живот каменеет, ниже все перехватывает почти до боли. В ушах начинается шуметь, дыхание учащается.

«Пожалуйста, только не сейчас. Не сейчас»...

Но, слава богу, Элли слишком сильно увлечена поеданием шоколадки, что не обращает на это внимания.

– Ерунда, – чавкает она.

– Нет, правда. – Неуклюже виляю по дороге, ступая осторожными мелкими шажками. Она останавливается. Ее черные глаза впиваются в мое лицо.

– Да я взяла бы все на себя! Мы же братаны? Так? Не знаю, чего ты переживаешь... – Пожимает плечами. – И вообще, идея-то была моя!

Теперь она думает, что я трус, зануда и слабак. Вот же придурок! И надо было так облажаться?

«Нужно срочно исправлять ситуацию. Как?»

И чтобы отвлечь ее внимание от своего состояния, (а заодно и продемонстрировать силу), я ловким движением перехватываю из правой руки в левую тяжелую бутылку с газировкой и, приложив все усилия, кручу крышку.

Кххх-пшшшшшш!!!

– Аа-а-а! – Визжит Элли, отскакивая назад.

Элли

Струя сладкой шипучки летит мне в лицо и на одежду, попадает в рот, в уши, заклепывает глаза и оседает на волосах. Только и успеваю, что вскинуть в неожиданности руки и громко взвизгнуть, как липкая жидкость уже покрывает всю поверхность моего лица и тела.

Моргаю, плююсь, протираю тыльной стороной ладоней веки и, наконец, смотрю на виновника шипучего апокалипсиса: рыжий газировка-мэн стоит посреди дороги, выпучив глаза и вывалив челюсть. С его ресниц и мягких рыжих волос стекают пузыристые коричневые капли. Видок у парня такой, будто мамашка случайно застала его за неприличным занятием.

– П-прости... – бормочет, слизывая языком сладкие капли с поверхности над верхней губой.

А он милый. Жутко милый, неуклюжий и искренний в своей непосредственности.

– Ничего, – закусываю губу, глядя, как на его белой рубашке кляксами расползаются коричневые брызги, и понимаю, что больше не могу себя сдерживать.

Начинаю хохотать, как безумная. Показываю на него пальцем. И он тоже смеется. А потом я смотрю на свою испорченную одежду и тоже смеюсь. Мы не можем остановиться, ржем, цепляемся друг за друга и падаем от смеха прямо на дорогу.

Наконец, утерев слезы и успокоившись, идем прочь из жилого квартала через парк. Беру у него из рук бутылку и жадно выпиваю остатки приторной теплой газировки, которая никак не хочет лезть в горло, а затем говорю:

– Мать твоя тебя пришибет.

– А мне насрать, – хихикает он и, поймав мой взгляд, с серьезным видом прокашливается.

– Она тебя любит. – Говорю, поджав губы. Отхожу, швыряю пустую бутылку в мусорный бак, возвращаюсь и тяжело вздыхаю. – Хоть и двинутая, но любит. Сразу видно.

Мы сворачиваем на тропинку, ведущую к реке.

– А... твоя где? – Спрашивает парень.

– Моя... – Ускоряю шаг. – Где-то.

– Что это значит? – Звенит за спиной его голос.

И я решаюсь довериться. Все равно, у меня кроме этого мальчишки никого больше и нет.

– Папа отсудил у нее опеку. Это было много лет назад.

– И вы не видите?

Смотрю на него через плечо, впиваюсь глазами. Выражение лица у него такое наивное, детское, словно чувак живет и знать не знает ничего о боли.

– Нет.

Меня накрывает волной обиды, разочарования и тоски, что неизбежно несут с собой любые воспоминания о детстве.

– Это плохо. – Произносит Майкл.

И его это грустное «плохо» внезапно пробивается сквозь ярость, затуманившую мой разум, и заставляет довериться, смягчиться, спокойно выдохнуть.

– Наверное. – Соглашаюсь.

Мы идем сквозь высокую траву. С моих волос капает газировка, пальцы липнут друг к другу, верхние ресницы примерзают к нижним. Но мне на удивление уютно и хорошо.

– Он не разрешает вам встречаться?

Горло сдавливают тиски огорчения.

– Раньше я так думала. – Дышать становится все труднее, словно кто-то выкачал весь кислород из воздуха, но я все равно это произношу: – Думаю, она сама не хочет меня видеть.

Всхлип рождается где-то глубоко в животе, поднимается вверх и чуть не продирается сквозь стиснутые зубы.

– Я долго винила отца. – Не узнаю собственный голос, таким он слышится сейчас писклявым и тонким. – Думала, что это он все испортил, разрушил семью и разлучил нас. Да я и сейчас продолжаю его в этом упрекать. Периодически. – Слезы раздирают глаза, жгут веки, щиплют в носу, но мне удастся, наконец, сделать глубокий вдох. – Мне было девять или десять, когда я сбежала. Узнала адрес, пришла к ней.

На секунду у меня пропадает дар речи. Безумно тяжело переживать все это внутри себя снова и снова.

– Осторожнее, – Майкл подает мне руку.

Я хватаюсь за нее и перепрыгиваю через ручей. Вдали слышится шум реки, где-то в траве стрекочут сверчки. Ноги плывут по земле, не ощущая веса моего тела.

– Помню, мы тогда обнялись. Это как чувствовать, что ты вернулся туда, где слишком давно не был. Как вернуться домой. Я сказала, что останусь жить с ней. Плакала. Просила никому меня не отдавать. Ее руки... – у меня перехватывает дыхание, – они были такими теплыми, мягкими. Обнимали меня. Это были пять самых счастливых минут в моей жизни. А потом она усадила меня за стол, налила гребаного молока, дала печенье и ушла. Чтобы позвонить папочке и попросить забрать меня обратно, ведь у нее... новая жизнь. И новому мужу вряд ли понравится известие, что придется жить с чужим ребенком.

– Мне очень жаль, Элли. – Говорит Майкл, крепко стискивая мою руку.

И я понимаю, что дрожу всем телом. У меня зуб на зуб не попадает, глаза заволакивает слезами.

– Я помню каждое чертово слово, которое она сказала ему тогда по телефону. Так просила, так боялась, что он оставит меня с ней. – Мои губы трясутся, подбородок дергается в такт стучащей невпопад челюсти. – А потом она вернулась на кухню и улыбалась мне. Врала в глаза, что любит. Гладила по руке. Говорила, что все будет хорошо. А сама ждала, когда папа приедет и увезет меня.

– Элли...

– Все, что я вижу от нее, это открытка на рождество и пара сотен долларов в подарок на день рождения.

– Все хорошо, Элли. – Руки Майкла возвращают меня в реальность.

К своему стыду, я уже рыдаю. Осознав это, начинаю судорожно вытирать слезы с лица. Но его пальцы крепко держат меня за плечи, и это впервые в жизни, когда я чувствую чью-то поддержку.

– Никому из них я не нужна. – Вытираю нос и распухшие губы.

– У тебя есть отец.

– Двое суток в больнице на смене, а в остальное время отсыпается и старается меня не замечать. – Я усмехаюсь и смотрю в лицо Майкла. Он напуган моей истерикой. – Как ты меня назвал?

Его зеленые глаза вспыхивают смущением.

– Элли... – Произносит, опуская руки.

– Не называй меня так больше. – Смеюсь я, размазывая по лицу слезы. – Это мрак.

– Хорошо, Элли.

Толкаю его в плечо и смеюсь.

– Ладно, все, проехали. – Морщусь.

– Ты успокоилась? – Майкл подает мне печеньки, которые выуживает из-за ворота рубашки.

– Психанула, с кем не бывает. – До боли сжимаю пальцы на хрупкой упаковке. – Давай, забудем.

– Идем, покажу кое-что. – Он тянет меня за руку прямо к реке.

Послушно иду следом.

– Прямо в воду?

– Да!

– Утопить меня решил?

– Нет, здесь можно перейти вброд.

– Ты уверен?

Ширина реки пугает, да и рядом никого не видно, кто бы мог спасти в случае чего.

– Да, этот путь мне показал Джеймс. Мой друг. Помнишь, я про него говорил? – Майкл оглядывается на меня. В его глазах азарт. – Он бы страшно взбесился, узнав, что я рассказал девчонке про это место!

– Ну, и пошел он тогда! – Стараюсь не отставать.

– Иди за мной шаг в шаг.

– А ты тогда не замочи печеньки!

Через минуту мы оказываемся на песчаном островке, с которого открывается шикарный вид на лес и пригород вдаль. Мы зарываемся в песок, смеемся, наедаемся сладостями до отвала, а потом возвращаемся в город, сытые и довольные. Одежда почти высохла, и я тащу Майкла в один из масс-маркетов.

Он упирается и привычно краснеет, когда под строгими взглядами продавцов я затаскиваю его в примерочную с горой футболок и джинсов.

– Отвернись, – заикается он, покрываясь пятнами от смущения.

– Что я там не видела? – Смеюсь. – Трусы твои? Дай угадаю – белые и бесформенные?

– Выйди, Элли, – Шепчет Майкл.

И я, хихикая, выползаю за шторку.

– Что поделать, – пожимаю плечами перед одной из консультантов, – братишка у меня очень стеснительный.

– Мы скоро закрываемся. – Напоминает она, не поведя и бровью.

– Да? А народу у вас тьма. – Указываю ей на блуждающих среди стендов с одеждой посетителей.

Пусть идет за ними присматривает. И она, словно послушавшись меня, топает прочь.

– Ну, как? – Заглядываю в примерочную.

Майкл, как ошпаренный, бросается застегивать ширинку.

– Не знаю.

Хмыкаю с видом знатока:

– Превосходно. Давай следующие.

Пока он натягивает штаны, прохожусь меж полок, подхватываю носки и мужские трусы приличного кроя. Забираюсь к нему в примерочную, бесцеремонно задираю футболку и сую украденное в лифчик – благо, места там навалом: то, что положено каждой девушке иметь в лифчике в этом возрасте у меня и не собирается расти.

Надсмехаясь над бледнеющим Майклом, оборачиваю вокруг талии джинсы, заправляю их концы в свои шорты. Беру самую красивую мужскую футболку, оборачиваю вокруг груди, а сверху закрываю своей футболкой.

– Иди и скажи, что тебе ничего не подошло.

И, оставив его ошарашенного, выбираюсь из-за шторы и со скучающим видом плетусь к выходу.

– Как? А-а! Зачем? – Спрашивает он меня уже на улице.

Кажется, его чуть удар не хватил. Представляю, с каким видом он возвращал одежду продавцам.

– А ты, что, реально собирался это купить? – Мы отходим подальше, и я выуживаю из-под одежды обновки для своего нового друга.

– Я... Я не знаю... – Теряется он.

– Иди и переоденься, чувак! – Смеюсь, толкая его в сторону кустов. – Видел бы ты сейчас себя! – Забираюсь рукой под свою футболку. – А, да, и носки не забудь! – Протягиваю ему свернутые вчетверо комочки ткани. «Хоть тут лифчик пригодился». – Осталось раздобыть для тебя нормальные человеческие кроссовки.

Когда Майкл выходит из укрытия, я сначала даже не узнаю его.

– Вау... – Сглатываю. – А ты ничего... Эдак мы тебе быстро невесту найдем. – Качаю головой. – Только постричь бы тебя. Покороче. – Подхожу ближе. – И торжественно сжечь старую одежду!

Выхватываю из его рук рубашки и брюки и пускаюсь наутек.

– Стой, жди! – Кричит он мне вслед.

А я бегу среди деревьев, не замечая вечерней прохлады и сумерек.

– Здесь живет мой друг, зайдем к нему? – Задыхается Майкл, когда мы останавливаемся. – Я вас познакомлю.

– А, этот женоненавистник?

Парень улыбается:

– Он не такой. Честно.

– Хорошо. – Отвечаю, потрясая в воздухе мятой и грязной одеждой. – Если у него есть спички, то вообще здорово! Сожжем твоё старое шмотье!

И мы идем по тропинке в какое-то зловещее место. Весело болтаем, но я все больше и больше напрягаюсь, разглядывая ряды убогих трейлеров, вместо окон в которых торчат картонные вставки. С ужасом и интересом смотрю на разбросанный повсюду мусор, развешанное на веревках для сушки белье, покосившиеся самодельные качели. Жмусь к Майклу, видя пьяных людей, лающих собак и грязных плачущих детей.

Но чувство тревоги, нарастая, начинает душить меня, когда мы проходим это скопище ржавых коробок для жилья и оказываемся на самой окраине трейлерного парка.

– Что это? – Спрашиваю, чувствуя, как от страха давит в груди.

– Жди здесь. – Коротко обрывает меня Майкл и бросается в сторону покосившегося старого прицепа, из которого раздаются душераздирающие женские вопли и отборный мат.

– Щенок! – Доносится оттуда мужской голос.

Слышится глухой звук удара.

– Джо, пожалуйста, не надо! – Визжит женщина, заходясь в бессильном плаче.

Джеймс

Вся жизнь проносится перед глазами, когда я захожу в свою дыру по возвращении из магазина и вижу, как он избивает мою мать. Огромная немытая туша склонилась над ее хрупким тельцем и безжалостно молотит здоровенными кулаками. Слышны глухие удары и беспомощные всхлипы. Она не зовет на помощь, терпит молча. Потому что, если кто-то и отважится вмешаться, то у нее будет еще меньше шансов выжить.

– Старая сука! – Цедит он сквозь зубы и встряхивает ее, точно тряпичную куклу.

Спутанные волосы отлетают назад, и я вижу ее лицо – глаз заплаыл, под ним багровый синяк, с разбитой губы сочится кровь.

– Милый, я все поняла... – Хрипит она, зажмуриваясь. – Больше никогда, честно...

И получает оплеуху. Здоровенное кольцо-печатка взрезает кожу на ее скуле.

– Ты, урод! – Кричу я не своим голосом.

Паника туманит мой разум. Глупо было оставлять ее даже на полчаса, знал ведь, что мама испугается и все равно откроет ему дверь.

– А, это ты, засранец, – довольно хмыкает Джо, отпуская свою жертву.

Выпрямляется и, прихрамывая, делает шаг в мою сторону. Его рот искривлен, оскален десятком оставшихся в деснах желто-коричневых зубов.

Пакет с хлебом и картофельными чипсами выскальзывает из моих рук и падает рядом с бейсбольной битой, которую я оставлял маме для самозащиты. Вижу, как это чудовище движется на меня, и не решаюсь сделать шаг, чтобы подобрать ее. Остается только пятиться, но краем глаза вижу, как мать рассеянно моргает, приподнимаясь, и размазывает кровь по лицу.

Меня это приводит в неистовую ярость. Щелчок в голове, и я с диким рычанием лечу на врага, заранее зная, что умру в этой битве. Последнее, что слышу – это его смех и пронзительный крик матери, почти детский, так похожий на беспомощный писк. Выбрасываю вперед кулак, целясь вверх, в наглую рожу, но ублюдок уворачивается, и я отлетаю вперед и с размаху валюсь на пол.

– Не надо! Джо, любимый, прошу тебя, не трогай его! – Звенит голос матери. Я чувствую, как она бросается на меня, чтобы закрыть собой. Ощущаю тепло ее рук на своей спине, пытаюсь встать. – Он просто глупый мальчишка, прости его!

Но по тому, как ее мольбы переходят в жалобные стоны, понимаю, что он уже близко. Он приближается. Не успеваю обернуться, как железные тиски обхватывают мое тело, приподнимают и впечатывают в тяжеленный сундук, стоящий возле стены. Что-то скрипит, трещит, гудит, но я вижу лишь белые пятна, расплывающиеся перед глазами.

– Щенок! – Рычит Джо, переворачивая меня.

– Нет! – Крик матери режет по ушам.

Она забивается в угол и обхватывает свои ноги руками. Раскачивается из стороны в сторону и зажмуривается, когда тяжелое колено вдруг упирается мне в живот.

– Ты, что, сучонок, – ублюдок обжигает меня зловонным дыханием, склоняясь все ниже, – думал, тебе все это сойдет с рук? Разве я тебя не предупреждал?

– Джо, пожалуйста, не надо! – Закрывая грязными ладонями лицо, больше похожее на кровавое месиво, просит мать.

Она больше не кидается мне на помощь. Пытается отрешиться или забыться, ломка снова сводит ее конечности, делая движения хаотичными и резкими. Мама похожа на дикое, забитое и напуганное до смерти животное, но я все равно смотрю на нее в последний раз, чтобы запомнить любимые черты.

– Жалкий выродок, – сплевывает Джо.

Его удар получается сильным. Я успеваю заметить метнувшуюся к моему лицу руку, услышать мокрый щелчок и звук разрываемых с треском тканей, когда его кулачище обрушивается на щеку. Не знаю, что это, скрежет костей или напряжение раскромсанных мышц, но оно превращается в моем мозгу в смертельную какофонию, звон, гул колокола.

Я проваливаюсь в бездну, но получаю новый удар, и это возвращает меня к жизни.

«Где я? Что со мной?»

Крик мечущейся рядом матери превращается уже в дикий вой. Мне нечем дышать, мир вокруг трещит и рушится, сознание пытается покинуть плоть, а перед глазами расплывается довольная ухмылка Джо. Хищный оскал безумной твари.

Словно в тумане вдруг слышу шаги и чью-то мягкую поступь от двери. За спиной маминого дружка появляется белое пятно, оно приближается, и неожиданно, вместо нового удара, я вижу, как Джо, широко раскрывая пасть, обмякает и тяжело валится на меня. Длинные руки безвольно обвисают вниз и падают рядом с моим лицом.

Мать вопит.

– Сними его с него, – щебечет тревожный и совсем незнакомый девичий голосок.

– Помоги мне... – А это голос Майкла.

Теперь я вижу друга, он бледен, как полотно, его глаза лихорадочно скользят по моему лицу. Что-то падает на пол рядом с моей головой – это бита. Друг бросает ее, чтобы освободить свои руки и стащить с меня неподъемную тушу, воняющую потом и ссаньем.

– Нет, нет, нет... – Подползает мама. – Что вы наделали?

Нежно гладит дрожащими ладонями лицо своего хахала и громко шмыгает носом. Поднимает взгляд и зло впивается глазами в перепуганного насмерть Майкла. Даже в этот момент она продолжает жалеть своего обидчика, забывая о собственном сыне. Кружит над ним вороном, хнычет, поливает слезами.

– Вы его убили! – Подползает, стуча по полу коленями, к его лицу и лихорадочно целует в губы.

– Вряд ли. – Снова девичий голосок.

Я приподнимаюсь, скидывая с себя ногу Джо, сажусь, привалившись к дивану, и смотрю на красивое лицо – большие черные глаза, выразительные мягкие губы, прямой нос, украшенный простеньким колечком. Это девочка. Совершенно незнакомая. Странная и интересная. Какая-то необыкновенно притягательная, потому что я не могу оторвать от нее взгляд.

Теряю себя в ее глазах. Такое ощущение, что проходит вечность, пока мы смотрим друг на друга. И плевать, даже если это всего доля секунды. Меня не существует для этого мира на это самое мгновение. И это пугает. Особенно потому, что я даже боли не чувствую.

Мне хочется узнать, не видение ли это. Вдруг она не настоящая? Голова кругом идет от этих мыслей. Они проносятся в моем мозгу, как стадо лихих коней, и оставляют после себя только ласковое прикосновение налетевшего прохладного ветерка с ароматом молочного шоколада.

«Что со мной?»

Девчонка отводит взгляд, садится на корточки и прикладывает пальцы к запястью Джо.

– Ну-ка, Майки, – с тревогой подзывает Салливана.

Тот, пошатываясь, подходит ближе. Его рука ложится на шею мужчины.

– Пульс есть...

Маму колотит. Она словно просыпается ото сна, валится на задницу, перекачивается и ползет ко мне.

– Джеймс, сынок...

Я вздрагиваю. У нее совершенно неменяемое выражение лица.

– Нужно вызывать полицию, – сглотнув, произносит Майки.

– Нет. Не надо копов. – Задыхаясь, прикладываю к разбитому лицу ладонь. – Нельзя. – Указываю на столик, на котором лежат два пакетика с белым порошком. – Здесь повсюду наркота. Это урод притащил. – Приподнимаюсь, обнимаю дрожащую маму. – К тому же, посмотри, в каком она состоянии. Ты ведь знаешь, куда они меня отправят, если увидят все это?

Майкл падает на диван, его трясет нервной дрожью. Он чешет и чешет виски, пытаюсь успокоиться. Его ноги отбивают по полу сумасшедшую чечетку.

– Черт, черт...

– Подождите. – Говорит его черноглазая спутница, опускаясь на колени рядом со мной. – Где у вас телефон? Сейчас я позвоню своему отцу. Он врач, у него связи. Я увезу твою маму с собой, и мы отправим ее на реабилитацию в клинику. Папа мне не откажет, он договорится, уверена. Я никогда ни о чем его не просила, так что он должен мне.

– А так можно? – Хрипло спрашиваю я.

Сердце замирает. Мне очень хочется ей верить. Я даже мечтать не мог о чем-то таком.

– Это единственный выход. – Девочка поворачивается к моей матери, осторожно протягивает руку и убирает прядь слипшихся от крови волос ей за ухо. – Вы поедете? Вы согласны лечиться? Ради своего сына?

– Это дорого, детка, – сонно отмахивается она. – К тому же, я абсолютно здорова.

И, отворачивается, пряча лицо в ворот рубашки.

– Моему отцу это по карману, не переживайте. – Решительно говорит незнакомка. – Пойдемте.

Гладит ее по руке.

– Я не знаю. – Мама снова косится на лежащего без сознания Джо.

На улице уже слышен какой-то шум, вой сирен вдалеке. Соседи тоже подтягиваются к трейлеру.

– И лучше сделать вот так, – девочка встает, сгребает со стола пакетики с порошком и засовывает их в карманы Джо. Затем подбирает битую и вкладывает в его же безвольные пальцы. Отряхивает руки. – Майки, тебе придется остаться, парню пригодится свидетель.

Она склоняется надо мной, достает из кармана шорт белый платок и подает мне. Беру его и прикладываю к лицу матери. Девчонка наблюдает за моими действиями, одобрительно кивая, затем ее рука мягко касается моего плеча:

– Здорово тебе досталось, чувак.

Киваю. Шмыгаю носом и чувствую во рту металлический привкус крови. Представляю, какой у меня сейчас видок.

– Меня зовут Джимми, – протягиваю руку.

Она жмет ее почти неощутимо, легко, не боясь испачкаться.

– Элли.

И улыбается. У нее самая красивая улыбка на свете.

Девчонка, явно смутившись, тут же косится на Майки:

– Его мамка точно сегодня его прибьет, – усмехается.

– Ему насрать, – улыбаюсь я в ответ, поглядывая искоса на еле живого Салливана. – Он – герой.

Элли

– Когда ты вернешься? – Раздается с кухни.

А не все ли равно? Меня даже смешит его вопрос, но, видимо, это такой рефлекс: если он не задаст его, то будет чувствовать себя хреновым родителем. А ведь и правда – только эта короткая фраза, брошенная вдогонку, и отделяет его, как отца, от полнейшего безразличия по отношению ко мне. А так – вроде поинтересовался, значит, не до конца хотел плевать на то, чем я живу.

Наклоняюсь к зеркалу и долго разглядываю свое отражение. Подростковая сочность лица постепенно сходит, щеки уже не такие пухлые, нос заострился, даже выделились скулы. Я израстаюсь, и из гадкого утенка потихоньку приобретаю черты прекрасного лебедя.

Передо мной не девочка – молодая женщина. Длинные волосы делают ее лицо более вытянутым, губы даже без помады мягки и налиты ярким цветом, шея тонка и изящна, бедра покаты, грудь тоже имеется, пусть и небольшая.

Ох, она определенно хороша... И знает, чего хочет. А еще теперь у нее определенно появилась некоторая уверенность в успехе того, чего она планирует добиться.

Он снился ей всю ночь. Всю чертову ночь он ласкал во сне ее так страстно, горячо и с таким усердием, с каким обычно делает вид, что между ними ничего нет. Но это нельзя больше игнорировать. Оно давно висит в воздухе запахом желания. Трещит шальным электричеством, едва они встречаются взглядами. Им нужно просто признаться друг другу и свершить неизбежное – сказать себе и всему миру, что они хотят, что любят, что больше не могут быть порознь.

– Когда ты вернешься, Элис? – Повторяет свой вопрос отец.

Как же бесит!

Моя семья давно уже не здесь. Уже четыре года она – не этот гребаный дом и не призрак папочки, то появляющийся, то исчезающий без следа. Моя семья – это Майки и Джимми. Те, кто всегда поддержит. Те, кому можно доверить любую тайну и не бояться при этом быть высмеянной или получить критику в ответ. Только эти парни, рядом с которыми можно ничего на свете не бояться и при этом чувствовать себя нужной и любимой – это и есть настоящая семья, что бы там не говорили.

– Постараюсь вернуться сегодня! – Не могла не съязвить.

Какая ему вообще разница? Его в ближайшие двое суток и дома-то не будет. Иначе бы, знал, что я частенько ночью не в своей постели, а в доме напротив.

– Элис... – Устало.

Но я уже хватаю сумочку, одергиваю короткое белое платье и выхожу за дверь. По пути от собственного дома до дома Салливанов достаю туалетную воду, несколько брызгаю над головой и радостно впрыгиваю в облако висящих в воздухе крошечных капель. Затем добавляю немного аромата прямо на шею и убираю парфюм обратно в сумку.

Знаю, что папа провожает меня унылым взглядом, и поэтому нахально виляю бедрами. Ждет, наверное, не дождется, когда свалю в колледж. Только, к сожалению, в отличие от Майкла, который уже несколько лет грезит врачебным делом, я так и не определилась, кем хочу стать.

Встряхиваю волосами, подхожу к двери и нетерпеливо жму на звонок.

– Ах, это ты, – надменно произносит миссис Салливан, впуская меня.

Каждая мышца ее лица напряжена до предела.

Мы тихо ненавидим друг друга все эти годы. Мамулю Салливан бесит наша дружба с ее сыном, но поделаться она ничего не может, поэтому и вынуждена натужно давить улыбку, проклиная меня одним лишь взглядом. Кажется, я даже слышу, как хрустят ее пальцы, когда она впивается ими в край своего старомодного пиджака.

– Держись подальше от моего сына, – говорят ее глаза, когда она смотрит на меня.

– А не пойти бы тебе куда подальше? – Отвечает моя наглая ухмылка.

Я уверена в себе, потому что знаю: Майки принадлежит лишь мне, Джимми и тому миру, что мы выстроили за эти годы для нас троих. И в этом мире место этой дамочки не больше, чем точка, обозначающая наш тухлый город на карте страны.

Я люблю их. Люблю каждого из этих парней: и крепкого рыжего умника, с которым так легко, весело и спокойно, и худого, вечно погруженного в свои мысли хулигана, от которого никогда не знаешь, чего ожидать.

Люблю до безумия, до помутнения рассудка, какой-то ненормальной любовью люблю. И это всепоглощающее чувство все чаще выходит за рамки: душит ревностью к любой подошедшей к ним представительнице женского пола. Потому что делиться ими с кем-то – это как оторвать от себя кусок плоти и истекать потом кровью.

– Готова? – Майкл спускается по лестнице, поигрывая ключами от новенького форда, подаренного ему пару дней назад на восемнадцатилетие любящим папочкой.

Я не дышу. Мое сердце подпрыгивает, а душа тянется к нему. Он выглядит потрясающе: узкие джинсы, облегающие там, где надо, футболка, повторяющая изгибы подтянутого тела, короткая стрижка, обрамляющая приятные и такие родные для меня черты лица. И очки – на этот раз солнцезащитные, закрепленные на макушке. От своих старых окуляров с толстыми линзами Майкл уже давно избавился.

Черт. Настоящий красавец!

Надо признать, наши с Джимми труды не прошли даром: смена имиджа и постепенное приобретение уверенности изменили бывшего ботаника до неузнаваемости.

– Еще бы! – Говорю радостно. – Едем?

И чувствую, как таю, когда он приобнимает меня прямо на глазах у своей стервы-мамочки. А та чуть ли не волдырями покрывается, еле сдерживая рвущийся наружу пар из ушей.

Мы с Майки выходим из дома, вразвалочку идем к машине, и я крепко обхватываю и до хруста в собственных конечностях сжимаю руками его талию.

– На пляж? – Спрашивает он, запечатлевая на моем лбу долгий поцелуй.

У меня кружится голова. Мне хорошо. А сейчас станет еще лучше, ведь мы едем к Джимми.

– На пляж, – киваю.

И медленно втягиваю носом его запах перед тем, как расцепить руки и прыгнуть на пассажирское сидение автомобиля.

Джеймс

Пот разъедает глаза и кожу на спине, руки адски саднит, но я продолжаю движение вдоль береговой полосы по длинной лужайке, опоясывающей пляж. Газонокосилка тяжелая, почти неподъемная и скрипит от старости, но другой не дадут – нужно приноравливаться к этой. Она – механическая. Толкаешь – идет, режет траву, останавливаешься – стоит. Поэтому приходится наваливаться всем телом, чтобы снова и снова двигать ее вперед.

Когда, наконец, ржавая железяка достигает края территории, с облегчением отпускаю поручень. Можно расцепить челюсти и выдохнуть. Тяжело...

Вода течет с меня градом, щекочет лоб, шею, подмышки, копчик. Снимаю тонкую майку и протираю ею лицо, затем и все взмокшее тело. Долго смотрю вдаль, дожидаясь, когда перед глазами перестанут плыть синие круги.

Я уже потерял счет дням от усталости, зато ни за что не собьюсь в подсчетах того, сколько смог заработать. Каждый гребаный доллар важен, потому что мы с матерью только начинаем выползать из того дерьма, что зовется нищетой. Теперь у нас есть, чем оплатить счета, есть еда на столе, нормальная одежда. Дело за малым – встать на ноги, снять жилье и забыть про трейлерный парк, как про какое-то недоразумение.

Уже год я берусь за любую работу, ни от чего не отказываюсь. У меня нет средств, чтобы идти в колледж, да и особой необходимости в этом не вижу. За те годы, что мои сверстники потратят на учебу, можно успеть заработать гораздо больше денег. Но и минусы в том, что я трачу каждую свободную минуту на труд, тоже есть: мама стала втихаря прикладываться к бутылке.

Конечно, она в этом никогда не сознается. Будет отрицать до последнего, даже если все уже очевидно, и доказательства налицо. Слишком много времени и чужих средств было потрачено на то, чтобы вылечить ее от пагубных пристрастий и научить жить в трезвом сознании.

Не хочется думать, что все было зря, но, когда я возвращаюсь в нашу дыру поздно ночью, то все чаще даже через аромат подгорелого овсяного печенья, пропитавшего насквозь занавески и постельное белье, чувствую едкий дух перегара, стоящего в воздухе. Она выпивает. Где-то, с кем-то. Может, одна. Пьет и ложится спать, чтобы я не видел, как она шатается, спотыкаясь о собственные ноги.

А утром мать обычно невинно улыбается. А потом злится, что цепляюсь зазря. Снова винит меня в том, что Джо посадили, и ей теперь приходится дожидаться его из тюрьмы. Выговаривает за то, что не бываю дома, что плохо учусь, что мало приношу денег.

Но у меня нет выбора: тот труд, на который меня берут, низкооплачиваемый – собрать мусор на пляже, покрасить ограду, постричь газон или разгрузить товар в местной лавке. Грязно и не особо доходно. Поэтому нормального разговора у нас с мамой так и не выходит. Каждый стоит на своем, а потом мне снова пора уходить – потому что я в очередной раз подрядился, чтобы подзаработать.

– А-а-а!!! Джимми-и!!! – Разносится на весь пляж.

Клянусь, я узнаю этот голос из тысячи.

Оборачиваюсь. Эта сумасшедшая бросает свою сумку в руки Майки, оббегает лежаки и несется ко мне.

Дело такое. Я человек, закаленный жизнью. Мне некогда хихикать на переменах, обсуждая, кто в каком наряде пойдет на долбаный выпускной. Мне вообще до этого дела нет. Ровно, как и до пьянок, гулянок, покатушек на машинах, фестивалей и прочей херни. У меня есть четкий план в жизни, и мало что может от него отвлечь.

Тем более, девочки. Даже хорошенькие. Даже самые лучшие, фигуристые и откровенно зазывающие познакомиться с ними поближе. Флиртовать, гулять за ручку и вешать лапши на уши, чтобы трахнуть кого-то из них, не мой вариант, даже близко.

Но Элли... Черт возьми, это единственное, что может пронять меня до самых костей. У меня не просто все внутри трепещет, когда я ее вижу – у меня на хрен все переворачивается в душе и горит смертельным пламенем. Все внутренности разом превращаются в густой, вязкий и приторно-сладкий горячий шоколад. Так меня торкает от этой маленькой и самой родной на свете черноглазой стервочки.

Она бежит ко мне по обжигающе горячему песку. Волосы черные, гладкие и блестящие, как вороново крыло. Тело – воплощение женственности и сексуальности. Плавные изгибы там, где нужно, заманчивая ложбинка в вырезе хлопкового платья, тонкая шейка.

Черт...

Обвожу взглядом ее бедра и длинные, стройные ноги. Единственная мысль – сейчас мы пойдем купаться, и она снимет платье – этот ненужный кусок ткани. И я снова смогу любоваться подтянутой, округлой задницей, впалым животом с аккуратной ямкой пупка и аппетитными грудками, выпирающими из-под мокрого купальника.

И, сглотнув, приваливаюсь к поручню газонокосилки, чтобы не упасть в обморок. Наблюдаю, как расстояние между нами сокращается, и буквально отскребаю себя от железной машины, чтобы выпрямиться и приготовиться к ее прыжку.

Она всегда так делает. Разбегается и прыгает ко мне в объятия. А когда я ловлю ее и прижимаю к себе, то непременно чувствую, как меня переполняет счастье. Оно буквально льется через край, бурлит, пузырится, простреливает меня насквозь.

Элли приближается. Ее длинные темные волосы колыхнутся мелкими волнами на ветру. Платье идет складочками и поднимается при ходьбе чуть ли не к узкой талии, обнажая смуглые икры и гладкие бедра.

Три, два, один...

Подхватываю ее и крепко сжимаю. От этой близости меня бьет ударной волной, тело охватывает жар. Руки Элли скользят по моей потной, липкой коже и смыкаются на спине, ноги беззастенчиво обхватывают мою талию, а подобные спелой малине губы впиваются в мои губы. Это так сладко, и длится всего лишь секунду, а может и меньше, но у меня искры летят из глаз от блаженства и возбуждения.

Я прижимаюсь к ней и закрываю глаза на это короткое, но острое мгновение. Единственное мое желание сейчас – не размыкать объятий. А еще хочется просунуть свой язык в ее рот и целовать жадно, дико, неистово. Так долго и горячо, пока вдоволь не напьюсь ее сладостью. Она нужна мне как воздух, как самый сильный и действенный наркотик. И совершенно ничто не мешает осуществить желаемое, но... в последний момент я все-таки сдерживаюсь и с трудом отрываюсь от нее.

Это так больно, словно отдираю ее от себя прямо с кожей. На мое лицо спадает черный локон, пахнущий свежими лесными ягодами, кожу опаляет ее горячее дыхание. Она рвано выдыхает, глядя мне прямо в глаза, и я не понимаю, что это – вздох ли разочарования или радость от встречи. Элли – единственная, кого так и не получается разгадать.

– Ты ужасно липкий, МакКиннон! – Она закатывает глаза.

Ее руки соскальзывают с моих плеч прямо к груди. Девчонка намеренно прислоняет ладони к моей коже еще раз, прижимает, а затем отлепляет. Демонстрирует мне, как я вспотел.

– Я же работал. – Оторваться от ее хитрых глаз нереально.

Элли смеется, обнажая ряд ровных белых зубов.

– Ты воня-я-ешь!

Тону в ее глазах.

– Да пошла ты! – Бормочу.

– Липкий, грязный, вонючий. – Ее губы проговаривают все эти слова, а я слежу за ними, не отрываясь. Эти губы только что целовали меня, и могли бы целовать еще. По крайней мере, именно этого я и хотел. – Фу-у... – Кривится она.

– Пошла ты, Элли! – Я и снова притягиваю ее к себе, вдавливая лицом в собственную грудь.

– Какая гадость... – Смеется она.

А у меня сердце заходится, потому что ее губы в этот момент касаются моей кожи.

– Мерзость, – ржет она, отталкивая меня и кривя лицом. – Всё, рабочий день окончен, бросай свою телегу и пошли купаться!

Наигранно вытирает щеки ладонями.

– Здорово, брат. – Добирается до нас Майкл.

Жмет мне руку, касается плечом плеча.

– Привет, дружище. – Я тоже рад его видеть.

Притягиваю к себе и крепко обнимаю.

– Помочь тебе оттащить эту махину обратно на склад? – Спрашивает он.

– Был бы благодарен.

Мы еще раз встречаемся взглядами с Элли, и я не могу не заметить огонь в ее глазах.

– Жду вас там. – Она указывает на песок и отворачивается.

А во мне все еще бьется прилив адреналина. Дышу тяжело и кусаю губы.

– Эй, красотка! – Зовет ее Майкл.

Элли оборачивается. На ее щеках милыми ямочками обозначается улыбка.

– Что, красавчик? – Откидывает голову назад и от души хохочет.

– Возьми свою сумку! – Он швыряет ей ее вещь.

Она подпрыгивает, но подхватить на лету не получается. Сумка пролетает над ее макушкой и с размаху ныряет в мягкий песок. С ангельских губ Элли срывается грязное ругательство.

– Коротышка, – смеется Майки.

Она злобно прищуривается и показывает ему средний палец. Разворачивается и, виляя бедрами, спешит поднять упавшее.

– Обожаю ее. – Говорит друг.

– Еще бы... – вздыхаю я.

Через полчаса мы с Майком уже выходим из прохладной воды и падаем спинами на горячий песок. Зарываемся руками и ногами и несколько секунд молча смотрим в небо, расчерченное пушистыми линиями – следами от пролетающих в вышине самолетов.

Элли отстает – она, как обычно, выиграла у нас заплыв, поэтому и возвращается последней. Мы приподнимаемся и смотрим, как она медленно выходит из реки. Капли сбегая по ее смуглой коже, устремляются в треугольнички ткани, которыми прикрыта упругая девичья грудь, собираются во впадинке пупка, скользят по бедрам.

У меня сердце больно стучится в ребра, гроыхает в ушах от этого зрелища. Дыхание перехватывает.

– Я люблю ее. – Отрывисто произносит Майкл, не глядя в мою сторону.

Его грудь вздымается высоко, кадык дергается от волнения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.